

Арфу
2013

АЛЬМАНАХ РУССКОЯЗЫЧНОГО ФУРРИ-ИСКУССТВА

Арфи

В НОМЕРЕ

«Сущность фурри-литературы», Alex Vance, стр. 8

«Чёрная река» Hunter, стр. 26

«Чай» Мантс, стр. 58

и многое другое...

FurNation.Ru

Триггер

*Я смотрю на ладони в надежде,
что увижу подушечки лап.
Что смогу пробежаться, как прежде,
громким воем встречая закат.*

Приветствуем читателей нашего альманаха!

Преодолевая трудности и неустанно борясь за качество материалов нашего журнала, а также наскребая средства для его изготовления, мы представляем выпуск по итогам 2013-го года.

Вероятно, не все наши подписчики знают, что АРФИ – это не только аббревиатура «Альманаха Русскоязычного Фурри-Искусства», но также самоназвание ассоциации фурри-искусства. Задача нашей инициативной группы в развитии фурри-творчества на всём русскоязычном пространстве: арта, литературы, музыки, фурри-игр, даже онлайн-радио и кино. Разумеется, не всё даётся сразу и не все планы мгновенно претворяются в жизнь. Однако в этом году мы добились интересных результатов в деле оформления Русфурренции 2014. Хорошо ли у нас получилось или нужно ещё много работать – решать участникам конвента. Но для нас это был крайне интересный опыт. Фурьке мы помогали и ранее, создавая и в 2012-м, и в 2013-м годах конбук (conbook – англ. книга конференции). В этом году мы инициировали создание художественного совета фурьки, который активно участвовал во всём оформлении, от референса главного персонажа до рисунков на футболки и другой стафф фурьки. Почему этот опыт так вдохновил нас и оказался настолько полезен, мы вероятно сможем продемонстрировать в новом году.

Помимо этих дел, которые отнимали значительное время, мы успели подобрать в альманах за 2013 год несколько эксклюзивных материалов, которые вы не сможете найти нигде, кроме как в нашем фэнзине. Один из них – статья англоязычного автора и деятеля фурри-искусства Алекса Вэнса (Khaki) – «Сущность фурри-литературы», в которой автор поднимает вопросы о роли антропоморфных персонажей в литературе. Должно ли у них вообще быть какое-то специальное предназначение, или достаточно эстетической целесообразности? Нужно ли использовать физиологические особенности или мифологические черты характера различных зверей? Эта статья поможет начинающим авторам более свободно подходить к использованию фурри-персонажей в собственных произведениях, и при этом представлять все творческие возможности, которые эти персонажи открывают. Надеемся, что обмен опытом с зарубежным автором поможет получить частичное представление о проблематике и методах англоязычной фурри-литературы.

Помимо этого, в новом выпуске – замечательные рассказы, стихи и арт от самых разных творческих фуррей. Прриятного чтения!

Оглавление

СТАТЬИ

Сущность фурри-литературы
(Alex «Khaki» Vance)8

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

Ана-Люсия

«Говорят, что кошки лечат..» ..16

Андрей Ворсин

Истории Племени К`Хим17

Bagir

«Не важно, кем ты родился..» ..23

На крыше23

Банзай

Под градом огня24

Hunter

Чёрная река26

Куджо

Одиночество57

Мантс

Чай.....58

Азеркин.....59

Осень59

«А тема грёз спокойна
и мила...»60

Мора Лирран

«На меня натравишь своих
псин...»61

Победа горька.....61

Pillgrim Wolf

Ожидание.....63

Перемены.....64

Сэголь

Лунная невеста и снежный
барс...65

Вульгур-Мартес

Скажи: Я есть ты. Летаящая
куница. (на куничьем)66

Художники

DragonSary

рысь с мечом (рис.)25

дракон и грифон (рис.).....50

KaZZZaK

Защитник (рис.)10

поле (рис.)22

Восхождение (рис.).....56

Лингримм

воин (рис.)18

Or1s

*набросок для Русфуренции
(рис.)62*

Сэголь

Вдох-выдох (рис.)67

ToddWolf

Burn Fire, Burn (рис.)34

**Контактные e-mail авторов
и редакции АРФИ75**

**Создатели журнала и авторы
иллюстраций76**

На диске MRFF

Приложение к журналу АРФИ 2013

Allve

Легенда о Большой Лисице

Felis

Два дня жизни лиса

Horfey

Разбитое сердце - восстановление

Кельт

*Время Крылатых (избранные
главы первой части трилогии)*

Селкер

*Вальфир
Люди и нелюди*

Сэголь

*Кукла и призрак
Мимолётные сны (аудио-поэма, трз)
Мимолётные сны (поэма)
Ночь Памяти*

Музыка

Музыканты и количество треков:

*Aspeel (7), Atrill (4), AzuraUndead (28),
Blackwervolk (23), Blaid Grey (2),
DUKE_ANGULLAN (1), FoxAvril (7),
Iksy Normik (1), LexXxy Nickson (9),
LiFurr (1), Naylan (5), Vasory88 (1),
Veemie (1), Watari (8)*

*На CD-диске можно
найти музыкальные
треки указанных авторов,
а также художественные
и литературные работы,
которые не поместились
в выпуск этого года.*

СТАТЬИ

Сущность фурри-литературы

By Alex «Khaki» Vance

Среди антропологов принято считать анимизм первым проявлением человеческой духовности задолго до возникновения религий.

Появлению идеи персонифицированных духов или богов в различных человеческих культурах предшествовала вера в одухотворённое начало, присущее явлениям материального мира. Животным, растениям, предметам – даже погоде. Вместо того, чтобы считать их способом проявления каких-то высших сил, люди предпочитали верить в то, что у всего есть *собственная* душа и предназначение.

Эта вера оказалась настолько незыблемой, что радикальные культурные изменения и социальные революции не смогли её пошатнуть.

Когда же стали появляться организованные религиозные учения, в них также перешло множество анималистических образов, и даже в современной, уже преимущественно светской цивилизации родители до сих пор рассказывают детям сказочные истории о зверях. От Древней Греции мы унаследовали эзоповы басни, а в материковой Европе истории о лисе Ренаре и его аристократическом окружении и сегодня читают в школах.

Все эти истории, пережившие века, объединены одной общей особенностью, а именно – отождествлением личностных архетипов с животными: хитрый лис, быстроногий заяц, благородный лев, грубый медведь. Другие культуры приписывают эти свойства животным из своих географических зон. Так, у североамериканских индейцев роль обманщика и ловкача играет койот, а у жителей Западной Африки – умный паучок Ананси.

Так чем же является фурри-литература, если не продолжением этих традиций?

В своём эссе я бы хотел рассмотреть один из часто встречающихся комментариев к «пушистым» рассказам – обвинение их в *недостатке «пушистости»*, что, в свою очередь, является грубым обобщением более широкой критики: та или иная история, по мнению критика, не использует, не оправдывает и не требует введения антропоморфных персонажей. Иными словами – персонажи той или иной истории с тем же успехом могли бы оставаться людьми.

Зачастую этот комментарий преподносится оправданно, применительно

к тем рассказам, где звери действительно представляют собой старых добрых людей, покрытых мехом.

Проанализировав эту критику детально, мы можем выделить несколько различных претензий. Одна из них гласит, что сотворённые волей автора звероподобные персонажи появились исключительно для красоты и никакой иной роли в рассказе их пушистость не играет. С другой стороны – более серьёзный упрёк автору состоит в упущенных уникальных возможностях, которые даёт фурри литература.

Автор мог бы использовать общие анимистические черты, которыми наделяет тех или иных животных коллективное бессознательное соответствующей культуры: опять же, хитрый лис, благородный лев, ловкий паучок. Эти архетипы можно поддерживать или опровергать, играя на ожиданиях читателя относительно поведенческих особенностей биологического вида, а можно познакомить читателя с представлениями о животных в других культурах.

Даже не обращаясь к анимизму, для придания полноты образам персонажей можно воспользоваться биологическими и анатомическими особенностями вида: их органы восприятия, физические характеристики и телесные реакции будут отличаться от человеческих. Это также будет близко читателям: не нужно особо глубоких познаний, чтобы вспомнить об удивительной чувствительности собачьего носа, который гораздо легче раздражить и сложнее оскорбить неприятными запахами, чем человеческий.

Пренебрежение такими возможностями в «пушистом» рассказе действительно можно назвать расточительством; Впрочем, порой мы видим более жёсткую критику: в истории не оправдывается появление антропоморфных героев.

Суть этого обвинения в том, что рассказ должен обосновать свою «пушистость» – например, он должен либо позиционироваться как басня (и основываться на культурных традициях одушевления и антропоморфизации), либо – если это история, основанная на научном понимании мира – логически объяснять происхождение антропоморфных существ.

Вот с такой критикой я бы хотел поспорить. Тем более, что без противоречия хорошего эссе и не выйдет.

Если критик обоснованно утверждает, что историю можно было бы рассказать, используя персонажей-людей, вероятно, он подразумевает, что её именно так и *необходимо* было рассказать. А если так, то

подобное суждение имеет оттенки, напоминающие о расизме, сексизме и нетерпимости, которые проникали в литературную критику и ранее, на протяжении всей истории словесного искусства.

Если герой произведения – женщина, чернокожий, транссексуал, инвалид или мусульманин, но эти их качества не являются *необходимыми* для повествования и никак не раскрывают ни социальную, ни культурную их подоплёку, критик может сделать точно такое же замечание! Но почему-то подобная критика никогда не звучит, если герой – белый, здоровый гетеросексуальный мужчина.

Скрытый дискриминационный оттенок, о котором я говорю, выдаёт себя предположением, что «по умолчанию» главный герой *должен* быть здоровым белым мужчиной и любое отступление от этого шаблона обязано быть обоснованным.

Много ли произведений о гетеросексуальном белом мужчине действительно углубляются в уникальные социальные и культурные особенности жизни белого мужчины в обществе, где доминируют белые мужчины? Часто ли в повествовании мы встречаем описание того, как такой «обычный» человек воспринимает мир?

В таком случае, почему любые другие персонажи литературных произведений должны оцениваться по каким-то иным стандартам?

Всё становится не столь очевидным, когда критика выглядит иначе и указывает на несоответствие поведения персонажа ожиданиям, основанным на его половой принадлежности, происхождении, вероисповедании или иных особенностях. Иудеи и индийцы ведут разный образ жизни – разумеется, они равны как члены открытого общества, но при этом всё же разные. Так же отличаются мужчины и женщины, мексиканцы и корейцы, городские пажоны и деревенские простаки.

И мы, читатели, знаем это. У нас есть набор ожиданий, представлений о каждой обособленной группе людей, с которой мы встречаемся – набор, продиктованный нашим образованием, опытом и предрассудками, переплетёнными столь тесно, что сложно отличить одно от другого, пока наши взгляды не подвергаются проверке реальностью.

Поэтому, разумеется, мы можем обратить внимание на то, что персонаж женского пола ведёт себя не так, как, по нашему мнению, обычно ведут женщины. Эта формулировка радикально отличается от «женщина *не должна* себя так вести!». Первое – субъективный взгляд, второе – сексизм.

Субъективный подход применим и к «пушистой» литературе:

«Поведение этого антропоморфного пса, медведя или зайца не соответствует моим ожиданиям». И хотя было бы нетрудно отместить подобное заявление на том основании, что никто на нашей планете не общался лично с антропоморфными животными и любое мнение о том, как они должны себя вести, не лучше другого – подобный излишний педантизм лишь уведёт нас в сторону от причины возникновения подобного вопроса.

Читатель, разбирающийся в собаках или лошадях на основе личного опыта или прочитанного ранее, несомненно, имеет своё представление о том, как может повести себя человекопёс или женщина-лошадь. Пусть в его ожиданиях беспорядочно перемешаны оценки, предположения и фантазии – но ведь почти так же формируются черты, которые мы привыкли ассоциировать с религиями, полами и культурами. Они тоже не лишены предвзятости и необоснованных предположений.

Отбросьте предрассудки – и останется субъективный взгляд, поэтому, когда критик говорит, что история недостаточно «пушистая», он на самом деле говорит: *«Она недостаточно “пушистая” для меня».*

Это личная оценка – и прекрасная возможность для обсуждения пушистости!

Возможно, персонажи и впрямь лишь люди, покрытые мехом, и автору это просто нравится таким, как оно есть; критик выразит своё несогласие, и каждый пойдёт своей дорогой. Это совершенно нормально – иметь разные суждения на подобную субъективную тему. Возможно, автор примет критику всерьёз, и увидит возможности для раскрытия физических и культурных особенностей героев, и применит это в следующем произведении.

Если дискуссия выдержана в спокойном, созидательном ключе – писатель и критик узнают больше о себе и друг о друге, обсудят, есть ли в *данном* отзыве на *данное* произведение рациональное зерно, и оба будут в выигрыше.

В то же время – простите за смелую оценку – требовать обязательных объяснений присутствию антропоморфных героев в каждой «пушистой» истории – просто глупо.

Например, в произведении в жанре фэнтези не требуется оправдывать существование драконов или волшебников – хотя здесь можно возразить, что этот жанр представляет собой такой же определённый набор культурно-обозначенных литературных приёмов, как и басня. В баснях персонажи-животные олицетворяют архетипы, а сюжет аллегоричен,

и поэтому к ним неприменимы вопросы о причинах существования «пушистых» персонажей.

Возможно, лучше провести сравнение с научной фантастикой. Воображаемые технологии зачастую являются неотъемлемой частью таких произведений, и многие любители НФ обожают (и ожидают) объяснения.

Если в повести упоминается сверхсветовой полёт, или путешествие во времени, или другое чудо техники, то читатель может законно поинтересоваться, а как оно работает или как его изобрели. Поджанр строго-научной фантастики специально фокусируется на историях с детальным и обоснованным научно-техническим объяснением описываемых технологий – чем точнее или правдоподобнее, тем лучше.

Но любая вымышленная история – это договор между писателем и читателем, устанавливающий частичный отказ от недоверия. В процессе повествования писатель предлагает принять некоторые вещи на веру – а читатель решает, готов ли он на это пойти.

История западной культуры помнит относительно недавние времена, когда образованная элита встречала беллетристику усмешкой. Вместо познавательных рассказов и биографий эти так называемые *романы* содержали неправдоподобные истории о никогда не существовавших людях и выдуманных событиях.

Сегодня мы приветствуем игру воображения, а художественная литература стала высоким видом искусства, соревнующимся с современными визуальными и интерактивными средствами повествования. Открывая роман, мы безоговорочно соглашаемся с тем, что будем читать вымышленную историю, отвергаем недоверие и погружаемся в поток событий, действий и героев, порождённых воображением автора. Мы подписываем основополагающее соглашение художественной литературы.

Сколь много готов принять читатель (сколько дополнительных условий готов подписать – если позволите продолжить метафору), зависит от способности автора убеждать и желания читателя поддерживать игру.

Поклоннику «строгой НФ», например, не «зацепит» роман, в котором есть искусственная гравитация на космических кораблях или искусственный интеллект у роботов, но нет объяснений принципов их работы. Она вполне обоснованно отложит *эту* книгу и поищет такую, которая будет соответствовать её вкусу, поскольку иначе просто не сможет полностью насладиться повествованием.

В то же время, когда кто-то настаивает, что в любом «пушистом» произведении должно обосновываться появление антропоморфных персонажей – он возводит личные предпочтения в ранг литературного стандарта. Категорически протестую!

Значит, автор «пушистой» литературы – как и любой другой беллетристики – может освещать антропоморфность своих героев так поверхностно или так глубоко, как сам пожелает, а читатели могут самостоятельно принять или отвергнуть такое произведение, так получается? Возможно, это слишком расплывчатое утверждение.

Опять-таки: художественная литература в основе своей – контракт, в котором читательское внимание обменивается на воображение автора, и на стороне последнего – самая тяжёлая часть сделки. Автор должен представить яркую, убедительную и последовательную историю, в которую читатель сможет погрузиться, не будучи отвлечён противоречиями и несоответствиями.

Всё, что способствует этому погружению, идёт на пользу повествованию, и автору следует быть внимательным к ожиданиям читателей, исследуя все возможные изобразительные средства для рассказа своей истории; всегда поддерживая баланс между собственным представлением о том, что будет лучше для произведения, и пониманием вкусов и предпочтений читателей.

Возможно, в том или ином рассказе и не требуется иное обоснование «пушистых» героев, кроме чисто эстетического, так же как для развития НФ-сюжета не всегда нужно объяснение мгновенного скачка через всю галактику. Фурри-произведения *не обязаны* зиждиться на анимизме, баснях и физиологии животных.

Хотя, пожалуй, всё это стоит принимать во внимание, как считаете?

Alex «Khaki» Vance

*Перевод и корректура:
Vit, Ambidexter, StormWind*

Если вы хотите участвовать в диалоге о фурри-литературе и других видах фурри-искусства на страницах нашего альманаха – мы приглашаем вас отправлять свои работы на e-mail: arfi@artfurry.ru

Фурри-авторы, редакция Арфи призывает вас: спорьте, пишите, задавайте вопросы, критикуйте – ваше мнение ценно!

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

Ана-Люсия

ryoga_aka_pi-chan@mail.ru

<http://lucyblack.furnation.ru/>

* * *

Говорят, что кошки лечат.
А что с ними станет после –
Все молчат.
Кошки опускают плечи,
Медленно ложатся возле –
Вроде спят.
Кошка ни за что не скажет,
Что у ней болит снаружи,
Что внутри.
Вылечит и тихо сляжет,
Раны бережно залижет.
Раз, два, три –
Кошка заново готова
Слушать, мол – “ты сделать
легче
Мне изволь”.
А потом в молчании снова,
Тихо опуская плечи,
Терпит боль.

Андрей Ворсин

oriy00@mail.ru

Истории Племени К`Хим

Раннее утро. Солнце ещё только поднималось из-за гор, раскидывая свои лучи по просыпающемуся лесу. Племя Кхим только начинало свои будни, а у пещеры вождя уже стояли два волка: мужчина и женщина.

Атлетически сложенное тело и мощные мышцы лап выдавали в нём непревзойдённого охотника, а битком набитый колчан со стрелами и тугой лук лишь подчёркивали это. Густая шерсть загривка сплетена в тугие косички. В некоторые были вплетены цветные ленты. Морду украшал ритуальный окрас охотника, не замысловатый, но придающий уверенность.

Торс украшали более затейливые рисунки, но большую часть из них перекрывала нагрудная повязка, выделанная из кожи животного, и точно такая же повязка была и на бедрах, прикрывая наготу и на лапах, что служило заменой обуви, которую они не носили.

Женщина выглядела точно так же, за исключением колчана с луком (вместо них она сжимала посох) и мощных мышц.

Когда вождь вышел под утренние лучи солнца, то он не сразу заметил этих двоих. Он, как и всегда, собирался сказать напутственную речь своим войнам, которые отправлялись в поход, исследовать новые земли, взбодрить охотников племени шуткам, которые были не всегда удачными и он об этом знал. Он даже собирался сходить на рынок и разузнать парочку свежих слухов. Но, лишь ступив пару шагов, резко остановился и с удивлением уставился на парочку.

– Дети мои, у вас есть что-то ко мне в столь раннее утро? – вождь был заинтересован в этом визите, ведь не каждый утро его встречают молодые кхимы.

– Да! – Сказал первый волк, которого звали Эран – Я воспользуюсь своим правом бросить тебе вызов! Я хочу стать вожаком!

– Нет! – Крикнула волчица по имени Лили, стоявшая рядом, – Это я собираюсь бросить тебе вызов, это я стану вожаком нашего племени!

На морде вождя промелькнуло удивление. Тогда он обратил свой взор на восходящее солнце и спокойно, будто ему никто не бросал вызов, проговорил:

– Согласно древним законам и обычаям, вызов может бросить лишь один член племени. Мне нужно посоветоваться с богами. – После чего вождь вернулся в свою пещеру.

Опешившим, от такой спокойной реакции на вызов, кхимам лишь оставалось ждать.

Спустя какое-то время вождь вышел и объявил:

– Вот вердикт богов! «Каждый из них оказался достоин, но вызов должен бросить лишь один! Посему, пусть они сразятся между собой, но не в битве,

а на охоте. Кто проявит себя лучшим охотником, кто принесёт больше дичи и съедобных фруктов и корней, тот и окажется достойным бросить вызов». – Вождь оскалился и протянул лапу в сторону леса. – Я жду вас к вечеру.

Солнце уже было высоко и в полную силу освещало лес, но до полудня было ещё далеко. Всё это время они шли плечо к плечу, так и не проронив ни слово. Тишину, между ними, раздирала трель певчих птиц, кваканье лягушек в мелких водоёмах, да редкое шуршание грызунов в листве. Напряжение нарастало, и первой не выдержала волчица:

– Это всё ты виноват!

– Я?

– Да, ты! Если бы ты не пришёл так рано, я бы успела бросить вызов первой!

– Да кто тебя вообще надоумил, женщина!? Твоё место быть у очага с детьми, да в постели!

– Что? – Волчица обогнала его и направила посох на волка. – Ещё раз такое скажешь, и будешь пускать слюни весь день! Я, между прочим, самый сильный шаман и могу использовать вещи богов! У меня столько же прав, сколько и у тебя!

– Дешёвые побрякушки никогда не заменят острый нюх, острый глаз и острые наконечники стрел и копий! И что-то я не видел, как ты пользуешься своими «вещами богов», когда на нас напало другое племя.

– Боги знали, что вы справитесь, и...

– Хватит! Довольно! Я сыт по горло этими богами! Они никогда мне не помогали в охоте! Я, и только я, делаю всё сам!

Волчица обиделась на волка, выкрикнув:

– Дурак! – побежала прочь.

– Постой! – Он вскинул лапу, пытаясь остановить её, но пальцы сжали только воздух. Её хвост последний раз мелькнул между деревьев, он опустил лапу. Его морда выражала смешанное чувство стыда и злости.

– Вот же чёрт... – произнес он.

Весь следующий день каждый из них охотился по-своему, изредка попадая в ловушки друг друга.

Волчица в основном попадала в силки, но так как из лап свой посох не выпускала, то легко выбиралась из этих ловушек. Один раз она чуть не угодила в яму с кольями. Природная ловкость позволила ей избежать смерти, ухватившись лапой за ветку и повиснув на ней. Следующий раз она запуталась в растяжках. Волку пришлось доставать её оттуда, потому, что даже с посохом ей выбраться было трудно. Но когда волчица второй раз запуталась в растяжках в том же самом месте, волк, который сидел в кустах, не верил собственным глазам.

Волк тоже пару раз почти попал в ловушки, расставленные волчицей. Один раз она его чуть не оглушила из посоха, когда он пробирался сквозь корни гигантского дерева. Другой раз то же самый разряд попал ему в хвост, отчего

тот онемел на продолжительное время. Волк ворчал, но ничего ей не говорил.

К концу дня, когда волчица опять попала в силок, волк, смотря, как она висит вниз головой, задумчиво проговорил:

– Знаешь, я не хочу с тобой соперничать.

– Почему это? – она всё ещё дулась на волка, и фраза прозвучала резковато.

– Я не могу соперничать с тем... – взгляд упёрся в землю, – ...кого люблю.

Он поднял на неё глаза и увидел неподдельное удивление у неё на морде. Выглядело это забавным, учитывая тот факт, что она висела вниз головой. Он не удержался и улыбнулся.

Встал, подошёл к петле и начал распутывать узёл на лапе волчицы.

– Я тебя всегда любил, Лили. Всегда старался защитить тебя и всегда хотел быть рядом с тобой. Даже когда ты стала шаманом, ты мне не разонравилась. Я хочу стать вожаком, чтобы быть с тобой.

– Я... Я не думала, что всё так... ой! – лапа выскользнула из ослабевшей петли и волчица упала, – ...так серьёзно! – она встала, отряхивая себя от листьев, – Я принимала твои знаки внимания за простую интрижку. Я не думала, что ты в меня влюблён!..

Они смотрели друг другу в глаза и не знали, как продолжить разговор.

– Ты любишь меня? – Спросил он после продолжительной паузы.

– Эран, я...

– погоди, – он поднял и отдал посох, который лежал на земле, – я понимаю, это всё так неожиданно. Хех.. Ещё утром мы были в ссоре, а теперь я признаю тебе в любви. Хехехе... Всё так неожиданно, – ему было тяжело это говорить, он очень стеснялся и разбавлял каждую сказанную фразу смешком. – Если ты уже любишь другого, то я всё пойму, и...

Договорить он не успел, ибо Лили прыгнула не него, повалив на землю. Она страстно его облизывала. Остановилась и прошептала:

– Я люблю тебя, – после чего оба рассмеялись.

Отсмеявшись, Эран спросил:

– Может, откажемся от этой идеи?

– От какой?

– От охоты? Придём, всё объясним и...

– Нет! – Лили резко оборвала его. – Это будет позором для нас и в частности для тебя!

– Но тогда как?

– Если мы хотим быть вместе, то становиться вожаком тебе нельзя.

– Это ещё почему?

– Ты не забыл? По закону всё имущество предшественника переходит новому владельцу.

– И?

– Все жёны тоже. – Лили встала и начала рассказывать перед Эраном. – По древним обычаям у вожака племени должно быть не больше пяти жён. У нынешнего вожака их уже пять. Даже если мы убьём одну из них, то все сразу подумают на тебя. Как вожака тебя не тронут, но прежнего уважения уже не

будет, если конечно оно вообще останется.

– Тогда как мы поступим? Ты станешь следующим вожаком?

– Ты мой глупый волчонок, – Лили потрепала его за шерсть на голове, – если я стану вожаком, а потом возьму тебя в мужья, все будут думать, что это был наш план с самого начала. И я, как вождь, так же потеряю свой авторитет.

– Тогда как мы поступим? – вновь повторил свой вопрос Эран.

– Обратимся за советом к богам!

Он недоверчиво посмотрел на Лили, но та не обратила на него внимания и уже приступила к действию.

Лили достала из наплечной сумки небольшого размера диск с образом солнца на поверхности. Осторожно нажала на середину и стала произносить громко и чётко непонятные Эрану слова на неизвестном языке. Языке богов.

– «Приём!» «Приём!» «Волчата просят помощи!» «Приём!»

– Это и есть язык богов?

– Да, не отвлекай! «Приём!»

Центр диска замигал разноцветными огоньками и раздался приятный женский голос:

– Слушаю, – боги отвечали на языке племени.

– О, великие боги,.. – Начала, было, Лили, но её оборвали на полуслове.

– Опустим формальности, чего ты хочешь?

– Богиня, мне нужен совет, я не знаю, как поступить.

– Изложи суть проблемы, и, возможно, я тебе помогу.

К закату солнца оба охотника вернулись со своей добычей. Теперь они сидели и ждали решения вождя. Они сделали точно так, как велела богиня, и теперь всё зависло от удачи.

– Я вижу, вы вернулись с добычей, и довольно обильной. Это подтверждает, что вы лучшие. Но кто-то всё же лучше и сейчас мы это проверим.

Вождь спустился с постамента и начал проверять добычу каждого охотника. По завершению, он, удивлённый и озадаченный, поднялся на постамент и объявил:

– Вы оба отличные охотники и добыли каждой добычи поровну. Что бы разрешить данный вопрос, я проведу обряд и обращусь к богам.

Он удалился, оставляя Эрана и Лили одних. Внешне их эмоции никак не проявились, но в душе они ликовали. Всё шло по плану богини.

Вскоре вождь вернулся. Он улыбался.

– Боги ответили мне! «С сего дня оба этих охотника становятся лучшими!

Впредь они должны охотиться вместе, всегда делить добычу между собой. Но, согласно законам, они не имеют права бросить вызов вождю, поэтому им следует немедленно удалиться».

Вождь ликовал, но больше всего ликовали эти двое.

– Вы слышали решение богов, уходите.

Эран и Лили встали и направились к выходу из пещеры. Когда они вышли из неё, то крепко обнялись и вместе отправились к закату.

Bagir

bagirgm@gmail.com

<http://bagir-bp.furnation.ru/>

* * *

Не важно, кем ты родился,
И какова твоя внешность,
Пусть порой жизнь допускает погрешность.
Для начала попробуй совсем немного,
Улыбнуться в зеркале — себе другому.
Можешь не дёргать возмущенно веком,
Ты просто будь хорошим человеком.
Если разум и чувства твои свободны,
Ты можешь прожить эту жизнь — кем угодно!

На крыше

Тише, тише, кот на крыше!
Тише шаг, а то услышит!
Но, на крыше ведь не мыши,
А на крыше стоит киса,
За углом лифтовой будки,
Очень медленно из сумки,
Фотик достаёт.
Достаёт, включает... жалко,
Почти кончилась зарядка.
Обнимая мягкой лапой,
Точно в центр на спуск затвора,
Коготь медленно ложится,
И дыхание затаив,
Объектив она наводит на
красивого кота.
Кот стоит у края крыши,
Ничего вокруг не слыша.

Его взор сосредоточен,
А слух ветром обесточен.
Кот стоит и в ус не дует,
Ветер шерсть на нём волнует,
И от этого у кошки,
Дрожью сводит обе ножки.
Но вот запах... разоблачение,
Кот обернулся – удивление.
Кошка, вспыхнув от смущения,
Вздрыгнув, камеру роняет.
Объектив её разбился,
Но, кадр всё же получился.
И с той первой нашей встречи,
На стене увековечен,
В нашем доме, что под крышей,
На которой нет мышей.

Банзай

unreal-Prey2@yandex.ru

Под градом огня

Под градом огня нельзя смыкать глаз,
Внимание нужно здесь и сейчас.
Под градом огня шерсть дыбом стоит,
Да запах агрессии нос тербит.

Под градом огня прижми уши, друг,
Не то заработаешь гадкий недуг.
Под градом огня ступай первый шаг,
Крадись ювелирно, сейчас мина – враг.

Под градом огня дыши глубоко,
Твой хвост – равновесие, когти – весло.
Под градом огня за кусачками лезь.
Сегодня проход за периметр – здесь.

Под градом огня на растяжки смотри,
Кромсай спираль Бруно и прямо ползи.
Под градом огня болты доставай,
Прикинь траекторию, плавно бросай.

Под градом огня назад не смотри,
Доверься чутью своему и иди.
Под градом огня, ан нет, не твой день.
Мне жизнь твою сохранять дальше лень.

Под градом огня, высокий порог не смог ты пройти.
Надеюсь хоть как-то и чем-то тебе я помог...

Чёрная река

*Don't look now, the best is yet to come**Take my hand, the best is yet to come*

Меня зовут Аль.
Мой отец – выпь.

Это не так страшно на самом деле. Вот у одного из нас выпью прилетает мать, и это стыдно. Слишком необычно, не принято. Считается, что мамы должны быть более ответственными и не допускать таких девиаций. Поэтому по вечерам, когда небо начинает темнеть и наша группа в полном составе – мальчики от пяти до пятнадцати лет – прижимается носами к окнам, высматривая родителей, Мащик стоит где-то сзади, вроде бы и участвуя в общей суматохе, и не слишком привлекая к себе внимание. Если обернуться, он будет стоять неподвижно и понуро. Самые оптимистичные пытаются разглядеть асфальтовую дорожку, невидимую в городском смоге, по которой к нашим дверям приходят своими ногами, а оттуда уже взмывают свечкой к окнам. Такое тоже бывает, но редко.

Чаше всего мы слышим хлопанье крыльев и крики, видим, как ветер швыряет перья, если сразу несколько птиц подлетают к окну и задевают друг друга крыльями. «Мащик, вот твоя мама!» – обязательно крикнет кто-то из простодушных малышей, кому не важно обличье навещающих его близких, да ещё и покажет пальцем на беспокойно кружащую возле окна выпь, отчего парень сразу же заливается краской и слабо машет ей рукой. На первый взгляд все птицы одинаковые, но так кажется, только если они тебе неинтересны. Мы давно уже научились отличать их – по особенностям расцветки, по причудливому хохолку, по отогнутому пальцу...

А вот и мой отец. Я помашу ему тоже – большего нам не дозволено, и он улетит. Я даже не знаю, где он живёт всё это время, деревьев в городе раз-два и обчёлся, а болот, в которых выпь чувствуют себя привольно, тем более нет. Надеюсь, он не забывает обо мне сразу же, как только Шпиль пропадает из виду. В конце концов, мы социальные сироты, отобранные заботливым государством у оставшихся вне закона граждан, и подобные визиты наносятся ими неофициально. Кто будет следить за их перемещениями, кому вообще нужны какие-то птицы?

Но из нас ещё может выйти толк. Поэтому мы здесь, в этой почти пустой светлой комнатке с закрытым окном на такой высоте, что при сильном ветре чуть ли не стены шатаются, а поскольку мы не можем отсюда выглянуть наружу и не видим этажей под нами, то она будто бы висит в воздухе. Но это только кажется, у меня ведь богатое воображение.

Несмотря на кажущееся одиночество, мы тут не одни. Это дом-город, обеспеченный всем необходимым для того, чтобы люди рождались здесь и умирали, не испытывая практической потребности переступить его порог. Помимо множества комнат, занимаемых ювеналами и их подопечными, в Шпиле размещены социальные службы, парикмахерские, закусочные, общественные бани, детские сады, казино, магазины, да проще перечислить, чего тут нет, а также живут обычные граждане. Если мы в своей серой форме проходим мимо, они смотрят сквозь нас, считая неприличным явлением.

Перья, белые перья... Или снег? За окном кружится что-то светлое, не разобрать, и эта неопределённость гонит прочь сон, поэтому я просто лежу в тёмной комнате на своём матрасе, брошенном прямо на пол, слушаю сопение десятка соседей и думаю.

Недавно ювеналы провели пересортировку, малышей от нас забрали, группа стала более-менее одновозрастной. Идёт время, я и другие парни ведём жизнь, которую можно назвать обычной: занимаемся физподготовкой и гигиеническими процедурами, регулярно питаемся в гулкой холодной столовой, изучаем помещения, что внешне выглядит как праздное шатание по дому, ходим на обучение, вернее, ездим на лифте на другой этаж и куда-то вбок, что занимает в целом минуты две. Не знаю, можно ли такое приспособление назвать лифтом. Шпиль сконструирован так, что в его центре находится просторный атриум, увитый сложным кружевом тросов, словно из пирога кто-то вырезал сердцевину и оплёл его там паутиной, и при желании можно увидеть этот слоистый внутренний срез здания, верхние и нижние этажи. А лифт – это хлипкая вагонетка, едущая по этим тросам как между этажами, так и в плоскости одного этажа. Подозреваю, здесь некогда было более сложное устройство для перемещения между этажами, но когда оно пришло в негодность, старые механизмы убрали и появился этот странный транспорт. Сначала я боялся выпасть из вагонетки, она дребезжит и подпрыгивает на ходу, причём едет довольно sporo, но потом привык и даже научился извлекать из таких поездок удовольствие.

Обучение здесь обязательно, и за этим строго следят. Если учишься плохо, урезают паёк до чисто необходимого, только чтобы с голоду не помереть. Каждый из нас ежедневно проходит мимо унылой группы штрафников, сидящей за отдельными столами и запикивающей в себя что-то неприглядное. Сам я, к счастью, обожал узнавать что-то новое, как во время занятий, так и просто читая книги о прежней жизни. Разную художественную литературу, из которой порой можно было узнать гораздо больше, чем из скупых выкладок специальных исторических книг. История – это ведь всегда немножечко политика, она не умеет быть объективной. Но в основном я просто развлекался таким образом.

Быстро пролистав выданные учебники, каких-либо отклонений от обычной школьной программы я не заметил. Разве что после каждого урока учителя назойливо напоминали официальным тоном: «Помните, вы настоящие

люди и имеете все шансы стать достойными членами общества. Не повторяйте ошибок ваших родителей».

Я – настоящий человек. Какое определение человеку давал Платон? Человек есть животное на двух ногах, лишённое перьев. У меня нет перьев, которые быются в стекло, превращаясь в мелкие капли. Я не выпь!

Как это случилось? Эти воспоминания я пытаюсь от себя гнать, но получается не всегда. Раннее детство я практически не помню. Мы с отцом жили, в принципе, не так уж и плохо, но ему казалось, что он заслуживает лучшего. А поскольку ни с окружающим миром, ни с собой он поделаться ничего не мог или не умел, то мало-помалу начал заливать свои проблемы горючкой. Надо было отговаривать его, да? Отбирать бутылки, выливать яд в канализацию... Я отстранённо наблюдал за тем, как он идёт по наклонной. Как по доске, которую пираты выставляли за борт и заставляли будущую жертву Дэви Джонса пройти по ней до конца. Йохохо, и бутылка рому. Да, наблюдал, как он приходит домой под мухой, а потом уже и приносит алкоголь с собой, не скрываясь. Когда-то мы неплохо ладили, и раньше я мог бы ещё помочь, но едва мне стукнуло четырнадцать, мир ошестинился на меня всеми своими колючками, а душа внезапно вспыхнула ядерным облаком, и мне приходилось придерживать её обеими ладонями, чтобы она не вырвалась наружу, и отращивать собственную защиту. Всего этого было слишком много, и сил разбираться ещё и с отцом как-то не стало. Я не буду описывать все стадии этого погружения, слишком грустно и бессмысленно сейчас.

В общем, однажды я открыл дверь, а дальше начинается персональное кино, которое я вынужден просматривать каждый вечер перед сном на обратной стороне собственных век.

Итак, я открываю дверь.

Навстречу бросается похожая на аиста голенастая птица: комок пёстрых перьев с длинным тонким клювом.

алька алька

Это не слова, нет, просто мыслеформы в голове. Птицы не говорят.

Я инстинктивно отбрасываю тело рывком назад.

Распластываюсь вдоль стены, ощущая холод бетона. Чувства обострены до предела.

Тёплый вихрь проносится мимо, чуть задев щеку кончиком пера.

Смотрю, как птица, пролетев вверх, безмолвно мечется на лестничной площадке, чудом не калечась в тесной клетушке стен. Шок и жалость, я не хочу, не даю себе понять, как птица попала в нашу с отцом комнатку, это понять невозможно!

Сердце колотится так, что подскакивает тонкий жестяной медальон на груди.

алька

Выпустить!

Нет, не сердце; хотя в тот момент я был к тому близок.

Проклятые пальцы никак не могут справиться с заржавевшей оконной ручкой. Налегаю всем телом, окно неожиданно поддается и я чуть не вываливаюсь вслед за ним, но пёстрый летун, почуяв свободу, ориентируется мгновенно и с каким-то диким визгом падает вниз, чтобы тут же оказаться подхваченным ветром, и уносится, становясь точкой и тая в облаках.

Занятый этими действиями, трясясь в нервном ознобе, я не заметил вовремя поднимающегося мимо соседа. Сосед оказался человеком бывалым и сильным, а самое печальное – сознательным, что по совокупности помогло ему скрутить и затолкнуть бешено сопротивляющегося, но, скажем откровенно, невысокого и тощего подростка обратно в комнату, после чего он велел сидеть тихо и сделал только один телефонный звонок.

Как выяснилось, ювеналам.

Без особой надежды я выглянул наружу, хотя и так прекрасно помнил, что увижу. Двор-колодец. Седьмой этаж, ни карниза, ни пожарной лестницы, ближайший дом через дорогу, не допрыгнуть. Бежать некуда.

Я ждал, отступив к подоконнику и вцепившись в него пальцами. Когда они вошли, пахнув осенним холодом и собачьей вонью отсыревшего меха, оскалился и прыгнул навстречу. Вероятно, надо было встать сбоку у двери и напасть неожиданно или попробовать проскочить, но в тот момент я был слишком растерян и допустил очередную ошибку. Слишком много ошибок за один день, недопустимо много.

В тот же день я выяснил, что подростка совершенно не обязательно ловить и вязать, как зверя, чтобы вколоть ему успокоительного, сделать покорным и расслабленным. Можно просто, как зверю, выстрелить успокоительным в бедро прямо на пороге дома, не подходя вплотную.

Даже вспоминать об этом в первом лице я не могу. Поворот сознания; пусть оно выйдет из тела, как из тюрьмы, и я посмотрю со стороны, как тело корчится на полу в пароксизмах боли, как ломаются порывы к сопротивлению, как холодный пот насквозь мочит одежду.

«Мальчик, твой отец стал выпью. Сейчас это ненадолго, он превратится обратно, но процесс необратим. Чем больше он будет пить, тем чаще и дольше обращаться, теряя частичку человечности и когда-нибудь забудет о своей принадлежности к людскому роду. Такие лица – вне нашего закона. С ним ничего плохого не случится, он просто навсегда станет птицей».

Выпь. Забавная этимология. От чая отчаиваются, от укуса кукусятся... Кэрролловская Алиса даже не подозревала, насколько окажется права.

Всё, самое страшное уже сказано и сделано. Дальше – просто жизнь.

Успокоительное здесь, кажется, распыляется прямо в вентиляции в микроскопических дозах, незаметных по физическим ощущениям. Наше сознание не замутнено, но мы не способны к насилию.

Отец нашёл меня через неделю пребывания в Шпиле. Наворачивал широкие круги возле окна, пока я не догадался и не запомнил навсегда, что эта выпь – моя.

Привет, папка.

Нет, в целом всё не так уж плохо. Я даже крепко подружился с некоторыми ребятами. Первым был Микадо.

Старше на пару лет, невысокий, как и я, но с компактной кошачьей мускулатурой, обладатель широко расставленных весёлых чёрных глаз и чёрной же шевелюры до плеч. Даже длинная чёлка, из-под которой он смотрел на мир с понимающей снисходительностью, выглядела как-то особенно заливчато. Ещё у него были высокие скулы, выдающие примесь азиатской крови. Впрочем, выдавало и само имя которое мой друг себе присвоил. «Микадо», – говорил он, со значительностью поднимая палец, – так называли когда-то японских императоров. Впрочем, можно просто Мика», – уточнял он с рассеянной улыбкой. На самом деле его звали Ким, но об этом никто не помнил, кроме учителей.

Тогда я стоял в столовой, в длинной очереди с подносами, медленно продвигаясь вдоль расположенных у стен контейнеров с разной едой, исходящих паром. Нельзя сказать, чтобы здесь баловали деликатесами, еда была простая, синтезированная, как и всюду в городе, если, конечно, вы не согласитесь включить в свой рацион голубя или крысу, но свежая и разнообразная.

Набрав мяса с овощами, я уселся за один из четырёхместных столиков, занимающих центр столовой, но не успел донести вилку до рта, как услышал испуганный взвизг за спиной и быстро обернулся.

Вопил лопухий рыжий пацан лет десяти, сидящий за соседним столом, не сводя широко распахнутых глаз с собственной тарелки. Обнаружив, что на него обращены взгляды всех присутствующих, он аккуратно прикрыл рот, весь скукожился и, едва не плача, принялся что-то выковыривать черенком ложки из своей каши. Огромный дохлый таракан!

– Ты кушай, кушай, а не переводи кашку зря, – с притворной ласковостью протянул сидящий напротив него неприятный лысый парень с низким шишковатым лбом. – Здесь добавки не положено. Кушай, а то мама родная не узнает.

Насчёт добавки он сказал правду. Но слёзы, всё-таки вырвавшиеся на свободу, потекли у рыжего наверняка не из-за этого.

– Забавная шутка, – послышался спокойный голос от того же столика. Говорящий не поднимал лохматой чёрной головы, и я не мог рассмотреть его как следует. – Ну правда, чувак, отчего такая истерика? Таракан – это ведь тоже белки-жиры, причём натуральные, деликатес. Отложи его в сторону, раз не любишь, и ешь себе дальше.

– Чё ты его утешаешь, – хмыкнул шутник, недовольный внезапной поддержкой. – Я б на его месте блеванул дальше, чем вижу! Просто поставил на место щенка, чтобы не подсаживался ко взрослым!

Мелкий, казалось, не слушал их, он беззвучно плакал, уронив голову на локоть.

– Так придумал бы что-нибудь поновее, – пожал плечами его собеседник. – Чего чужие приколы крысить?

– Не понял, – насторожился лысый. – Чьи приколы?

– Я тебе в суп паука бросил только что. – Второй парень наконец выпрямился, широко улыбаясь, а в глазах плясали озорные черти. – Но этот рыжий хотя бы вовремя заметил, а ты слопал... натуральные белки, поздравляю!

Лысый моментально побагровел.

– Не гони! – заорал он. – Я не мог не заметить паука в супе!

– Кидал он, кидал, – вмешался я, подстёгнутый вскипающей злостью. – Я видел.

– А ты что ещё за хрен?

– Может, и хрен, да насекомых не жру, – ухмыльнулся я. А чернявый, перекинувшись со мной ленивым взглядом и снова переводя его на лысого, покрутил в пальцах что-то мелкое, тонкое, тёмное:

– Ножка вот оторвалась, пока кидал... Будешь?

Кажется, это был последний довод, переломивший неуверенность шутника в нашу пользу, и он бросился вон под нарастающий хохот сотен ребят всех возрастов, еле сдерживая рвотные позывы и сшибая столики по пути. Повара безучастно смотрели на происходящее, только один наклонился к плечу и шевельнул губами в невидимый микрофон. Нам оставалось лишь ломать голову, кого и о чём он мог информировать, ведь конфликт разрешился сам по себе.

Рыжий пацан недоверчиво покосился на оставшегося за столом парня, как ни в чём не бывало доедающего свою порцию:

– А ты... правда кинул ему в тарелку паука?

– К сожалению, у меня не было с собой такой драгоценности, – сообщил чернявый. – А так бы обязательно кинул! Он того заслуживает. Те, кто любит ставить других на место, должны быть готовы к аналогичным действиям по отношению к себе.

Он неопределённо покрутил ладонями в воздухе, потом оттопырил большие пальцы и сложил что-то вроде прямоугольного символа инь-ян:

– Карма, сечёшь?

Пацан серьёзно кивнул. Слезы у него на щеках подсыхали.

– Спасибо. А лапка паучья? – вдруг осенило его.

– Во-первых, за такое не нужно благодарить. Я и сам повеселился. Во-вторых, это не лапка, а хвостик от ягоды. Вон, компот пил, – кивнул парень на стакан. После этого он поднялся, подмигнул малышу, легонько хлопнул его по спине и направился к выходу.

– погоди! – сам не зная почему, я кинулся следом, и он, развернувшись, молча и вопросительно смотрел на меня. Смотрел открыто, по-хорошему, и это позволило мне собраться с духом. Возбуждение в столовой спало, и она снова наполнилась привычным монотонным гулом и звяканьем приборов, но и этот гул был слишком громким и отвлекающим. – Давай поговорим где-нибудь... если ты сейчас не занят?

Мы уединились в одном из узких боковых коридорчиков, предназначенных, видимо, для технических нужд. Мы встали напротив друг друга и оперлись лопатками о стены. Оценивающе переглянулись.

– Почему ты это сделал?

– Подлость нужно наказывать, разве не так?

– А не проще в морду дать?

Тут я запнулся. Я совсем забыл, что нас лишили такой возможности. За прошедшие две недели у меня не было поводов для агрессии.

Он негромко засмеялся в полумраке:

– Ну попробуй, дай мне в морду. Не бойся, я драться умею.

Охваченный неожиданным азартом, я сжал кулак и нанёс удар.

Вернее, мне показалось, что я его нанёс. Движение было начато, и начато стремительно, но моя рука успела преодолеть сантиметров десять. После этого её будто оковало параличом, живот и ноги скрутило жуткой болью, я свалился на пол и для комплекта ощутил себя полным ничтожеством, недостойным жить.

– Это скоро пройдёт, – вздохнули сверху. – Всё проходит, и это пройдёт. – Потом сквозь навернувшиеся слёзы я увидел протянутую руку, и мне помогли выпрямиться. – Мысли тоже мерзкие, но ты помни, что они тебе навязываются, и так их легче пережить. Весьма эффективные нейролептики... многое бы я отдал, чтобы узнать, какой именно гадостью мы тут дышим.

– Я тоже, – с трудом произнёс я. – Правда, у меня ничего и нет.

Мы оба расслабились, и напряжение спало.

– Я обнаружил это чуть раньше, – пояснил чернявый. – Увидел, что подлость можно делать, и не испытывая агрессии. Просто потому, что подлость живёт в крови. И что отпор ей можно давать, не прикасаясь к сопернику даже пальцем. Мне это непривычно, я уже говорил, что умею драться, и не как вы здесь...

– Кунг-фу какое-нибудь? – догадался я. Он поморщился:

– Ну можно это и так назвать, неважно... Когда со мной здесь такое впервые случилось, я ощутил себя бойцовским псом с выбитыми зубами. Поверь, ощущение не из лучших. Пришлось учить другое кунг-фу, для языка. Кстати, ты мне помог сегодня проучить одну зарвавшуюся тварь, – он лучезарно улыбнулся и неловким движением убрал свисающую на лоб прядь.

– Да ладно, ты и сам бы изумительно справился, – искренне сказал я и вновь протянул руку, на этот раз с другой целью. – Алик. Аль.

Он ответил крепким пожатием твёрдой ладони, покрытой боевыми мозолями:

– Микадо.

После этого мы обменялись нашими историями появления здесь. Кусочками нашего прошлого, нашей свободы. Даже если бы мы после этого разрезали линию жизни на наших ладонях и смешали вытекающую кровь, это не сблизило бы нас сильнее.

С рыжим Валеркой, которого защитил Мика, я познакомился позднее. Задумавшись, я зашёл не в свою учебную аудиторию. На жёстких деревянных сиденьях, круто расположенных амфитеатром, сидели незнакомые младшие ребята, с напряжённым видом уставившиеся в свои тетради. Многие грызли ручки. Возле одного пухлого мальчика я заметил целую кучку обслоняявленных пластмассовых осколочков, которые тот деловито складывал в одному ему известном порядке. «Кандидат в штрафники», – уверенно решил я. Обратив на меня внимание, упитанный строитель невозмутимо уложил очередной кусочек и засунул ручку обратно в рот. Учителя видно не было, скорее всего, дал задание и ушёл по своим делам.

Сидящий с краю и предающийся унынию ребёнок заметил меня краем глаза и вдруг просиял:

– Привет! Я тебя помню! Помоги мне, пожалуйста, я не понимаю здесь в одном месте...

Он смешно тёр лоб и пыхтел, когда вникал в мои объяснения. Соседние малыши косились на нас, но не вмешивались. Проблема оказалась пустяковая. Мы расцёлкали задачку, как орех, и я подосадовал на систему образования, действующую по принципу «спасение – дело рук утопающих». Если ты недостаточно умен, чтобы сам разобраться с учебником, значит и в будущем тебе ничего не светит, получай свои оценки, свой аттестат и иди на работу, не требующую мозгов. По сути, учитель стал просто контролёром, следящим, чтобы дети работали самостоятельно. В древних книгах, которых я читал, учителя ещё пытались что-то объяснить своим ученикам. А о том, что учебник может быть попросту написан плохим языком, или что кому-то нужно услышать информацию, чтобы лучше её усвоить, или увидеть её в блок-схемах, в общем, принять иначе интерпретированной, потому что все люди разные, теперь почему-то не задумываются. Вернее, одна теория, почему не задумываются, у меня есть. Она вкратце сводится к очень старой шутке: «Сын полковника не сможет стать полковником, потому что у генерала тоже есть сын». Но я её никогда не выскажу никому, кроме Мики, потому что слишком уж это нетолерантно.

– Я даже и не знаю, что делал бы без тебя, – благодарно выдохнуло это рыжее дитя. – Ой, слушай, я невежливый, забыл представиться. Валерий!

Я торжественно пожал его лапищу и зачем-то спросил:

– Тебя больше никто не обижает?

Он сверкнул глазами:

– Нет! Я вообще не плакса, ты не думай! Просто... так неожиданно всё получилось. Я привык, что раз драться нельзя, то вроде как и обидеть никто не может. И вот ошибся.

– Ну и молодец, раз не плакса. Но если кто-то вдруг встанет у тебя на пути, обязательно скажи мне.

Он снова просиял.

*Across the desert plains
Where nothing dares to grow
I taught you how to sing
You taught me everything I know
And thought the night is young
And we don't know if we'll live to see the sun*

Пожалуй, это единственные светлые стороны моего нынешнего существования. Такой друг, как Мика, случается один раз в жизни. Он тоже читал взапой и готов был поддержать любую тему. Всё свободное время мы проводили вместе, и время от времени к нам присоединялся Валерий, в силу более открытого характера и возраста обладающий более широким кругом знакомств, а потому пропадающий тут и там. Мы обсуждали, спорили, смеялись. Как братья, которых мне так не хватало. Я и привык думать о них как о братьях. Жаль, что места для общения приходилось выбирать очень осмотрительно, там, где нас, скорее всего, не догадались бы подслушать, и на небольшой отрезок времени, за который нас никто бы не хватился. Те же малопосещаемые коридоры, лестничные пролёты, техпункты.

К великой радости, вскоре обнаружилась одна захламлённая кладовка, забитая практически до непроходимости. Перебравшись по груде сломанного и порванного старья, я обнаружил при тусклом свете аварийных ламп, что кладовка занимает несколько этажей, а я стою на краю мусорного оврага, почти отвесно уходящего вниз метров на десять. Шпиль был поистине исполинским и мог позволить себе нерациональное использование площади, вот как с лифтом, так и здесь. Над этим заброшенным оврагом мы и устроили себе постоянную резиденцию, благо сюда ничего съестного не выбрасывали, и пахло только пылью и старостью. Шансов, что кто-то ещё захочет пролезать по древней рухляди, рискуя переломать ноги, было мало.

Мика любил рассказывать о месте, в котором жил раньше. Оказывается, ещё оставались горы, не затронутые постройкой, и он иногда выбирался туда. Он вёл повествование, закрыв глаза, чуть улыбаясь, и я пробовал, так же зажмурившись, увидеть то же самое. Дикую суровую природу, сосны, растущие на скалах, ледяные стремительные ручьи, безграничное синее небо...

– Иногда так хреново делается от мысли, что я этого больше не увижу, - услышал я его севший голос и от удивления открыл глаза.

– Да почему же нет? Мы достигнем совершеннолетия, вернёмся домой достойными гражданами...

– А почему ты так уверен, что вернёмся? – жёстко спросил он. – Нам этого никто никогда не обещал.

Я вдруг подумал, как хорошо, что мы сейчас без Валерки, нельзя ему такое слышать.

– То есть ты считаешь, что мы может навсегда остаться здесь? – осторожно уточнил я. – Но зачем?

Мика передёрнул плечами.

– Я мог бы сказать, что нас кормят на убой, – с иронией сказал он и, привычный иллюстрировать свои мысли жестами, изобразил чью-то клыкастую пасть. – Ну прикинь, хорошо же кормят. Могут в чернорабочие определить сюда же, в Шпиль. Этому зданию всегда нужны лишние руки. Мол, отработайте теперь вашу жизнь, обучение, пропитание...

Его руки перестали порхать и бессильно опустились.

– Я не знаю на самом деле. Но если бы я возглавлял ювеналку, то выбрал бы какой-нибудь из вариантов, чтобы не выпускать выросших детей обратно. В конце концов, – осенила его новая мысль, – твоё бывшее жильё. Оно принадлежит муниципалитету. Ты думаешь, комната так и будет тебя ждать? Неет. Туда можно подселить кого-нибудь из огромной очереди. Пусть живёт там, работает в городе, платит за коммунальные услуги и будет благодарен обществу за свою счастливую жизнь!

Я отрешённо посмотрел на него и тупо спросил совсем не то, что собирался.

– А на убой для чего?

Мне возвратили взгляд, полный жалости.

– На корм гигантскому змею, живущему под Шпилем и вращающему огромное колесо, которое и даёт энергию всем механизмам. Сорри, чувак, но из всех моих слов ты выпенил образный сарказм, и теперь пытаешься его серьёзно обсуждать.

– Врезать бы тебе сейчас подушкой, – проворчал я. – Как дитя малое... О, а вот и подушка! Только вот оторву её от дивана...

Он неблагородно заржал, и мы слегка потузили друг друга. Поскольку дружескую возню наша психика не воспринимала как опасность, это оказалось допустимо.

На следующий день прямо в учебное время прилетела крупная светлая выпь. Я видел, как она пытается зацепиться за фрамугу окоченевшими лапами, но соскальзывает и продолжает свои безуспешные попытки, неуклюже танцует за мутным стеклом с инеевыми разводами. Аудитория сидела ни жива ни мертва, позабыв о физике, но скрежет когтей в конце концов привлёк и сидящего на кафедре учителя Лебеина, погружённого до сих пор в чтение газеты.

– Нас посетил незваный гость, – сухо заметил он и свернул шелестящий лист. Молодой ещё мужчина с военной выправкой и рельефными мышцами, которые плохо скрывала длинная лёгкая мантия учителя, он отличался также заметной хромотой и длинным шрамом, пересекающим висок. При первой встрече я решил, что учительство стало для него вынужденной мерой – на время его увечья. Вполне возможно, что и навсегда.

Подойдя к окну, Лебеин помахал рукой, почти как ребёнок, приветствующий родителя, вот только смысл у этого жеста был прямо противоположный. Убедившись, что его попытки не возымели должного эффекта, он обернулся к классу:

– Чья птица?

Оцепенение продолжало владеть всеми нами. Я всё ждал, когда какой-нибудь мальчишка вскочит и признается, и тогда они на пару с Лебеином прогонят выпь, посетившую нас в неурочное время. Хотя... прогнать родителя – немислимо. Он поэтому колеблется, да?

– Господа, – с неудовольствием произнёс Лебеин. – Надеюсь, вы понимаете, что птица может привлечь внимание охранного комплекса? И тогда...

Закончить он не успел, потому что в аудиторию ворвался вооружённый человек в меховом жилете ювенала. Его не волновали подобные вопросы. Он вёл себя так, будто кроме него и выпы тут вообще никого не было. Распахнув фрамугу, отчего птица шарахнулась и скрылась из виду, он небрежно прицелился, выстрелил и, напоследок окинув нас единственным уничижительным взглядом, без комментариев покинул помещение, нанеся этим бесцеремонным вторжением глубочайшее личное оскорбление Лебеину. Лицо нашего учителя застыло каменной маской, и он провёл по нему рукой сверху вниз, будто стирая невидимый плевок.

Тогда наверху в истерике забился незнакомый мне долговязый парнишка, всегда тихий и молчаливый. Он бессвязно вопил и стучал кулаками о парту, разбивая их в кровь. Это тоже не было агрессией. Это всего лишь чья-то личная боль. Можно.

– Почему ты молчал?! – неожиданно взревел учитель. Мы в изумлении смотрели на него, вероятно, считая мгновения перед тем, как его свернёт, скрутит, как любого из нас. Этого не произошло. Он продолжал стоять, прямой как штык, и желваки бегали по крепким скулам. Чёрная мантия в этот момент смотрелась на нём особенно нелепо.

– Ты мог встать, подойти к окну и сделать что-то сам! Но нет! Все сидят, как тупые бараны!

– Господин учитель, – очень, очень вежливо подал голос Мика. Он говорил негромко, но его слышали все. – Слушатель Ким говорит. Вероятно, вы не осведомлены, но в здании, помимо человеческих охранных ресурсов, включена также биологическая сторожевая система, которая блокирует многие наши действия, признанные системой опасными. Если для психики этого юноши встать, подойти к окну и прогнать отца, а то и просто признаться, кем он ему доводится, было в высшей степени бунтарским поведением, то он физически не мог этого сделать. Хотя я не исключаю, что он просто не успел просчитать всех возможных последствий как молчания, так и действия. Боялся сделать хуже. Вы ведь в курсе, что всё это незаконно. Что сами наши родители вне закона и могут быть убиты в любой момент. Простите, господин учитель.

Надеюсь, Мика понимает, с каким огнём затеял игру. Я затаил дыхание, чувствуя, какой ценой даётся внешнее спокойствие. Им обоем. Лебеин медленно вернулся к окну, сцепив руки за спиной. Заметно было, как ему хочется вытереть лицо ещё раз. Покачался, перекачиваясь с пятки на носок.

– Благодарю, слушатель Ким. Я всё знаю, но спасибо, что напомнил. Ривил, ты пришёл в себя? – глухо спросил Лебеин, не поворачиваясь.

– Да, господин учитель, – отозвался парень. Он встал при ответе, это далось ему с трудом.

– Это хорошо. Тогда слушай внимательно. Ты допустил панику, не разобравшись в ситуации. Вёл себя недостойно мужчины. А птица улетела. Охранник промахнулся. На первый раз твоё поведение прощается, но впредь думай.

Даже не оборачиваясь на Ривила, можно было догадаться, какая гамма чувств проявилась последовательно у него на лице. Настороженность, облегчение, счастье. Я не оборачивался, потому что мне стало грустно. Ложь во спасение – это всё-таки ложь. Но что ни говори, кунг-фу, побудившее соврать учителя, спасло здравый рассудок другому человеку. Вон как его начало корёжить.

Тем вечером я поприветствовал отца, как обычно, а потом прижал ладонь поочерёдно к левой стороне груди и к стеклу. Он помедлил, а потом издал трубный немелодичный крик – что делать, болотные птицы никогда не претендовали на лавры соловьёв.

А сколько вообще лет живут выпы?.. Вся информация о этих птицах оказалась извлечена из любых источников. Выпы – табу. Я вдруг испугался, что он может не дожить или окончательно стать животным до того момента, когда я выйду отсюда. А то и вправду не выйду, как предположил Мика. Чёрт, чёрт!

Ночью меня мучила бессонница.

К следующему уроку Лебейн пришёл необыкновенно мрачный, с красными глазами. Похоже, кое-кто тоже не смог их сомкнуть этой ночью.

Завершив урок, он не стал распускать нас, как обычно. Вместо этого припал к своему столу грудью, подобно хищнику, обвёл аудиторию озорным взглядом и предложил:

– Поговорим о птичках?

Поскольку никто не ответил, он хмыкнул, усмехнулся и облокотился на руку.

– В силу некоторых обстоятельств я считаю себя обязанным сообщить вам, что выпь – не такое уж необратимое явление, как вы все считаете. Деревенские жители, например, научились успешно с этим справляться.

– А разве деревни ещё где-то остались? – недоверчиво спросил кто-то из слушателей.

– Ну разумеется, – раздражённо бросил учитель и быстро посмотрел на часы. – Проблема в другом. Вы здесь, – ткнул он пальцем перед собой, – а птички там, – и он ткнул в окно.

– А почему мы не можем быть в одном месте? – задал Ривил мучивший всех вопрос. – И почему бы деревенским не поделиться знаниями с городскими?

– Потому что вы несовершеннолетние недееспособные сироты, о которых птицы позаботиться не способны. И потому что после последней промышленно-продовольственной революции, в результате которой мы

научились синтезировать пищу, деревни и пришли в упадок. Город – причина того, что вы теперь поражаетесь самому их существованию. Теперь те, кто живёт за его чертой, идут по своей собственной линии экономического развития. Возможно, и эволюционного, раз они продолжают выращивать натуральные растения и разводить скот, пока мы питаемся видоизменённой химией. Вообще несказанно повезло, что эта технология не оказалась забытой, подобно многим другим. Понимаешь, мальчик, самое смешное то, что огромному богатому городу теперь нечего предложить взамен свободным земледельцам. Они тоже богаты, по-своему, без денег, натуральным обменом. Но на одних весах всего не измерить.

Учитель, слабо улыбнувшись нам, шагнул к дверям, и они открылись ему навстречу.

– Вы задержались, – кротко заметил Лебеин меховым жилетам, с достоинством выходя из аудитории. Но в этой кротости скользило неожиданное злорадство.

– Заторы на дорогах, – невозмутимо ответил один из группы конвоиров, и я поразился тому, что эти меховые чудовища, оказывается, не лишены чувства юмора. Проще было думать, что они не имеют ничего общего с людьми.

Когда ученики остались одни и аудитория взорвалась лихорадочным обсуждением случившегося, я вдруг подскочил как ужаленный. Совершенно вылетело из головы: Лебеин же наверняка знал, ради чего мы здесь торчим и что с нами собираются сделать в будущем. При этом я с отчётливой ясностью понимал, что шансов спросить что-то ещё у этого странного, но безусловно хорошего человека нам больше не представится.

– Где же эти деревни, – с тоской пробормотал я. Мика, сидящий рядом, весь взвился, сердито показав пальцем на уши. Вот я идиот! Здесь об этом действительно говорить нельзя. Я кивнул на выход, и мы под общий гам выскользнули в дверь.

– Меня интересует, почему она прилетела в неурочный час, – задумчиво произнёс Мика, сидя в позе лотоса в нашем привычном месте. – Все выпы знают, что их ждут только после заката.

– Когда меня забирали сюда... – хрипло начал я, потом откашлялся, прислонился к спинке старого дивана, обняв колени руками, и продолжил увереннее:

– То объяснили, что со временем выпь теряет способность превращаться обратно в человека и вместе с этим уходит её разум. Может, это как раз и случилось. Правда, сколько этого времени должно пройти, я не знаю.

– Надо аккуратно выяснить у Ривила, как давно он здесь, – хмурясь, сказал брат. – Тогда мы сможем опираться хоть на какие-то цифры.

– Давай ещё поищем карту, – предложил я. – Понятно, что здесь могут быть только очень старые карты, но общее представление о местности мы получим.

– Издеваешься? – махнул он рукой, обводя окружающее пространство.

– Тут за целую жизнь всего не осмотришь. Да к тому же убиться можно, передвигая эти горы мусора. Общее представление у меня и так имеется. Я даже пару лет назад проезжал на монорельсе мимо деревни. Отчётливо помню впечатление изобилия. Огороженные охраняемые поля. Вообще бескрайние зелёные просторы, свободные от всякой дряни. Воздух прозрачный, сквозь него видно до самого горизонта! После города впечатление такое, будто открылась дополнительная пара глаз. Беззаботные весёлые дети, водящие хороводы в высоких золотых стеблях злаков. Суровые взрослые в одеждах из кожи, меха и прочих натуральных тканей, похожие на собранных поджарых хищников, привыкшие к разностороннему физическому труду, хорошо знающие, что почём. Они приспособились, и пусть у них не так распространена техника, как здесь, я уверен, что живут они счастливее. Да это и было очевидно из рассказов Риян. Она говорила, что в отсутствие лекарств обособленные группы людей, потеряв около девяноста процентов популяции за множество поколений, в сухом остатке научились так высвобождать внутренние ресурсы собственного организма, что вообще ничем не болеют.

Микадо взглянул на меня, и я увидел, что его радужки в полумраке широко растеклись, отчего он стал похожим на печального демона с обсидиановыми очами:

– На той станции монорельса и сошла Риян. Моя несостоявшаяся невеста, неприручаемое рыжее чудо. А я отправился дальше, отрешённо рассматривая неторопливо меняющиеся пейзажи за окном, хотя, в общем, мне следовало пересесть и отправиться обратно, в сторону города, ведь я её просто провожал. Но сил выйти вслед за ней у меня не хватило, так что пришлось продолжить путь. Места были дикие, и когда Риян доехала до дома, я остался совсем один. Знаешь, вагончик был весь прозрачным, словно стеклянная коробка, даже сиденья в нём напоминали ледышки причудливой формы, и полз с черепашьей скоростью. Мне казалось, что это я сам бреду по прямой и узкой, как стрела, дороге сначала сквозь зелёные цветущие пустоши в человеческий рост, потом через болота, не тронутые мелиорацией. Иногда вспархивали вспугнутые выпи, до которых мне тогда не было дела. А под полом мелькала трава, танцующая на горячем ветру от монорельса, которую затем сменила залитая лужами топкая земля, от вида которой я с отвращением поджимал ноги, даже находясь в безопасном пустом транспорте, благо стыдиться было некого, и я делал что хотел. Пожалуй, я поступил бы так же, ползай там змеи или какие-нибудь подобные им гады. Земля обманывать не должна.

Судя по его лицу, Мика вновь переживал это путешествие. Я не стал его перебивать, а вместо этого наслаждался плавным течением речи, представляя услышанное вживую. Язык повествования оказался лишён жаргонизмов и слов-паразитов. Он рассказывал вдохновлённо, словно рисовал, забыв обо мне – лицо напряжено, руки с гибкими запястьями шевелятся, выхватывая из прошлого фрагменты реальности и возрождая их на невидимом полотне:

– И снова после болот потянулись пустоши, которым я обрадовался как родным. Они подступали так близко к проложенному пути, что ветки

близрастущих кустов время от времени хлестали по стёклам. Всего два цвета, пёстрый зелёный и над ним безоблачный голубой, нарядные и праздничные, они лечили мои уставшие глаза, привычные к ржавому коричневому, практичному чёрному, грязному серому. Я вдруг почувствовал тогда, что жив. И чем дальше я оказывался от места нашего расставания, тем легче делалось на душе.

Начинало темнеть, и небо над горизонтом распустилось, как цветок, каким-то безумным африканским закатом. Широкие импрессионистские полосы ярко-оранжевого, насыщенного малинового и густо-сиреневого цветов полыхали одна над другой, переходя друг в друга почти без всякого градиента, и царили в небе равным триумвиратом. Сверху в густой синеве проклонулись звёзды. Мне хотелось откинуться на спину и смотреть на них, но вагон не был рассчитан на такие излишества. Потом вдоль дороги засветились фонари, на потолке тоже включились лампы, их свет частично скрадывал происходящее снаружи. Теперь я мог больше видеть своё отражение на чёрном фоне, чем высокие травы и небо. Тогда я сел вплотную к стенке и прикрыл её ладонями от ламп, и ещё какое-то время любовался чуждой нам, незнакомой, забытой природой.

Но всему приходит конец. Вскоре движение замедлилось и моя прозрачная коробочка встала, с шипением открыв двери. В них тут же ворвался летний ветер, захвативший с собой запахи ночных растений, неописуемо душистый, немного прохладный... Такой ветер в городе, если бы могли, продавали бы за крупные деньги. Я сделал шаг в эту ночь.

Траву вокруг места, на котором замер вагон, кто-то аккуратно скошил, образовав небольшую ровную площадку. На правом её краю поднимался холм, к которому прилепился скромный двухэтажный домик, причём выстроенный по рельефу, так что со стороны холма этаж оказался всего один. На левом краю за изгородью угадывался скромный огород. А прямо передо мной земля заканчивалась. Из неё рос исполинский металлический мост, пилоны которого возвышались высоко над домом и терялись в темноте. Мост, видимо, когда-то вёл через бескрайнее водное пространство, грозно плещущее волнами метрах в десяти внизу. Но теперь мост был взорван вместе с линией монорельса, и последняя остановка, увенчанная остатками моста, как памятником бывшего величия цивилизации, теперь находилась здесь, на этом трогательно выкошенном клочке суши.

Из домика всполошённо выскочил дед с кустистыми бровями и ореолом прозрачных седых волос, подбежал ко мне, придерживая перелатанный плащ, и подслеповато сощурил выцветшие серые глаза.

– Ёшкин кот! – воскликнул он. – Молодой человек! Я уж и не помню, когда ко мне железка с пассажиром приезжала... Нету дальше дороги, родной! Вишь, уже лет тридцать как нету!

Этот забавный дядька был так прост, что отчуждаться от него официальным «выканьем» просто не хотелось, и я не стал:

– Дед, а ты сам что тут делаешь?

– Дак смотритель я. Отправляю железку обратно, как приедет, – и он гордо хлопнул по вагончику. – На вашей-то стороне жизнь есть ещё, да и бурная, говорят. Деревня, город, ещё города... В них, поди, и яблоку упасть негде. А чтобы туда добраться, мой транспорт нужен!

– А тебе бурная жизнь не нужна? Тут же вообще никаких людей нет, скучно, словом перемолвиться не с кем, – я представил, какое отшельническое существование влачит здесь несчастный старик.

– А ты подумай. Если не я, кто же будет железку-то ловить каждый раз? – он хитро посмотрел на меня и лукаво усмехнулся. – Я хоть и винтик малый, да без меня всё в море ухнет.

Я невольно посмотрел на торчащий над морем край моста, на остатки дороги, по причудливому капризу взрывной волны торчащие в небо острым кривым мечом, и содрогнулся, представив, как ничего не подозревая, доезжаю до этого края и лечу вместе с вагоном в воду...

– Дед, а тебя случайно не Холден Колфилд зовут? – невольно спросил я, вспоминая Селинджера. Надо же, кто-то нашёл себе такую работу – ловить тех, кто летит к обрыву. Пусть и не во ржи.

– Ась? Не, Бенедикт я. Не знаю никаких Холденов!

– Ладно, забудь, дед Бенедикт. Скажи, ты эту... железку должен немедленно обратно отправить? Или я, набравшись наглости, воспользуюсь твоим гостеприимством и попрошу приютить меня до утра?

– Ох и хитрый ты малый... – вздохнул дед, задумчиво почесав лоб и заодно пригладив торчащие во все стороны волосы, но они тут же приняли прежний вид. – Вообще не должно быть задержек. Но если ты долго дрыхнуть не задумал и выедешь на рассвете, то так и быть, дам тебе ночлег, и хлеба с вареньем впридачу, и травок на чай заварю... Давно не было у меня гостей, соскучился по людям, это ты правду говоришь.

Нужно ли уточнять, что я принял его радушное приглашение, предварительно сам на него напросившись. Я рассказывал новости, одновременно кусая огромный ломоть хлеба с яблочным вареньем, и Бенедикт живо на них реагировал: цокал языком, восклицал, хлопал по столу. Потом, отказавшись от предложенной постели, я спал на чердаке на охапке сена, перед лицом утраченного человечеством моря, а утром, бодрый и отдохнувший, поехал домой. Я попросил деда ускорить ход транспорта. К счастью, это оказалось возможно, благодаря чему я смог добраться от смотрителя Края Света до своей цели к следующему закату.

– Потрясающе, – сказал я, вытягивая затёкшие ноги. Брат опомнился и, завертев головой, выразил глубочайшие извинения по поводу своей болтливости и несдержанности.

– Впрочем, ты и так знаешь, что я безголовая балда.

– Вот серьёзно. Я никогда не слышал ничего подобного. Будто сам на монорельсе покатался и море увидел.

– Зато мы не успели обсудить, как бы выбраться отсюда, – досадливо нахмурился Мика. – Опаздываем на ужин, чувак, погнали скорей!

И мы погнали.

Все наши планы разбивались в пух и прах о реальность. Как бы мы беспрепятственно ни перемещались по самому Шпилю, выход из него был только один и строжайше охранялся, а также предусматривал хитрую систему шлюзовых отсеков, пропусков и удостоверений. Несколько дней осторожного наблюдения подтвердили: с даром убеждения сюда нечего было и соваться, а больше мы ничего противопоставить охране не могли.

Решительный Валерка высказал смелую версию, по которой предполагалось найти и привести в негодность устройство, распыляющее нейрорепеллент, а потом всем вместе прорваться с боем мимо постов. Между прочим, вооружённых. Я представил, как на рубашках моих ровесников и совсем мелких ребят распускаются алые цветы, и покачал головой:

– Валер, ты мыслишь очень революционно, но вспомни, на входе несколько железных дверей, которые поднимаются и опускаются. Причём не теми, кто там стоит, а на дистанции, откуда-то из здания. Вот запрут тебя между такими дверями, и что дальше?

Он огорчённо поджал губы.

– Сломаю, – в сердцах отрезал мой боевой братишка, чтобы хоть что-то ответить, и надулся.

Оставался ещё выход на крышу, и мы от безысходности начали рассматривать ещё и этот вариант. Проходить туда было можно, собственно, мы там и гуляли, но только с пустыми руками, а чтобы зайти обратно, несколько минут стояли в шлюзе со старым добрым газом. Перед тем, как выпустить под открытое небо, тебя обыскивали и отбирали любую ерунду. А я с некоторых пор очень плохо переношу прикосновения чужих рук, даже если это просто быстрые грубые хлопки по твоим тощим рёбрам. Аж всего передёргивает, и сопротивляться не выходит.

Эту унижительную процедуру с нами и проделали в очередной раз, выпуская всю троицу на плоскость, вознесённую над плотной кашей индустриального влажного смога.

Город внизу скрежетал, выл, спешил, работал, как плохо смазанный старый часовой механизм. Удивительно: о том, что там делалось, можно было лишь догадываться, мы видели одни верхушки самых высоких домов, плывущие в сером мареве, но до ушей доносилось множество разнообразных звуков, искажённых расстоянием и загрязнённостью воздуха. Дребезжат по брусчатке раздолбанные частные автомобили. Газетчики и продавцы фастфуда наперебой рекламируют свой товар, но их заглушает рекламная запись известной парфюмерной фирмы. Размеренно стрекочет и грохочет техника с ближайших фабрик, прессуя, вырезая, соединяя и видоизменяя доступные её примитивным манипуляторам материалы.

– Бенедикт рассказывал мне про самолёты, – вдруг вспомнил Микадо.
– Железные летающие машины, несущие в себе людей. Пассажирам не приходилось думать про рельеф преодолеваемой ими местности, про высокие горы и бурные реки. За считанные минуты под ними проносились целые страны.

Когда самолёты кончились, мир стал очень-очень маленьким, ограниченным скромными человеческими возможностями, потому что люди в наше время разучились ходить. Или у них пропала мотивация. Раньше путешественником двигал интерес, что находится на другом краю мира – и расстояние, казавшееся нашим предкам огромным, рано или поздно оказывалось преодолённым. Теперь у нас нет белых пятен, в крайнем случае есть пятна выжженные. Мы всё знаем. Нам не хочется никуда идти.

Валерка осторожно взялся пальцами за высокий парашют, привстал на цыпочки. Ледяной ветер рванул его огненную гриву, и мальчишка, привыкший к застоявшемуся воздуху, развёл руки в стороны и залился заразительным хохотом, выдыхая облачка пара.

– Ты только подпрыгивать не вздумай, – нервно предупредил его Мика. – Вылетишь, кто тебя ловить будет?

– А как я вылечу? – слишком буквально понял его братишка, удивлённо наклоняя голову в повороте. – Крыльев-то нет. Я ж не самолёт и не птица.

– Мышки, станьте ёжиками, – пробормотал я, ловя на себе уже два удивлённых взгляда. – Давайте думать, как нам их отрастить.

– Чур, я пить не буду, – предупредил Валерий, настороженно поглядывая на нас и зябко переступая с ноги на ногу.

– Никто не будет пить, Лер, – согласился Мика и вскинул бровь: мол, что за ерунда?

– Я не это имел в виду! Ребята, согласитесь, что птицами становятся вне всякой логики – внезапно и вследствие процессов, которые никто не может объяснить. Куда девается лишняя материя и откуда она берётся вновь, когда маленькая хрупкая выпь и обычный человек поочерёдно сменяют друг друга? Почему выпь-люди, постепенно теряющие разум, могут сосуществовать в одной экологической нише с обычными птицами, выплывшими в таком виде из яйца? Да и почему именно выпь-то, в конце концов? Что за жестокая лингвистическая насмешка, кто нас так цинично наказывает?

– Или даёт возможность, – заинтересованно предположил старший брат.

– Возможность стать безмозглой тварью? – ощерился я.

– Возможность измениться, как ты того заслуживаешь. Как хочешь. Может, ведя себя иначе, каждый может стать кем-то другим.

– Но мы знаем только о выпях.

– Видимо, это самый простой вариант. Для остальных нужно делать нечто большее, чем просто спиваться.

– Каких птиц мы ещё знаем? – взял я быка за рога. – И чем они нам известны?

– Как должны звучать их названия и с каким активным действием ассоциироваться, – поправил Мика. Валерка смотрел на нас горящим взглядом, но вставить реплику в дискуссию пока не отваживался.

Надо сказать, орнитологи из нас были никакие. Если десятка полтора птиц мы ещё смогли вспомнить, то ассоциативные ряды с ними не выстраивались в принципе. Только Валерка предложил подумать ещё и про летающих

насекомых, но превращение в них принесло бы мало пользы. Так мы оказывались в опасности быть съеденным кем-то из собственных близких, а ещё до этого – замёрзнуть насмерть в первые же минуты пребывания на зимней стуже. Но пока не закончилось отведённое на прогулку время, наша компания честно ломала головы.

– А давайте попробуем стать белками-летягами, – мечтательно произнёс Микадо. – Прыгнем с крыши, как бы полетим – и превратимся в белок.

– Мы как бы упадём, – ершисто проворчал я. – И станем человеками-лепёшками безо всяких волшебных превращений.

– А я знаю ещё енота-полоскуна и медведя-шатуна! – вмешался довольный Лерка, за что был изловлен, потрёпан по волосьям и отпущен с миром.

Тем вечером я попытался на языке жестов показать отцу через стекло, чтобы он забирал с собой Валеркину мать и летел искать помощи в деревне. Кто знает, как долго мы будем выбираться сами, а ему тянуть время незачем. Сквозь человеческие пальцы оно бежит как песок, но сквозь птичьи – ещё быстрее.

Он сделал широкий круг перед окнами и вернулся, показывая, что никуда без меня не улетит, отчего я обозвал его дураком и треснул кулаком по стене.

*Oh can you feel it in the air
It's in your heart and everywhere
We got to keep that dream alive*

Порыв ветра растрепал нам волосы и раздул, подобно парусу, свободную одежду.

– А когда-то мы все умели летать во сне, помните? – спросил я, взмахнув руками. Бесполезно.

– Мы и сейчас во сне, – улыбнулся тренер, чьё поджарое тело облегал шелковистый спортивный костюм, а лицо было лицом Лебейна. – Встаньте на парапет на колени.

Сам он стоял чуть ниже, поэтому наши лица оказались примерно на одном уровне, когда я и ещё двое ребят ощутили коленями твёрдость и холод бетона. Должно быть, странная картина для городской ночи, даже если улицы пусты, и только в неизвестном учреждении за нашей спиной горит свет, ложась размытыми квадратами на асфальт. Смога не было, и это казалось нормальным. Тут всё внешне выглядело уютным и мирным, но нарастало ощущение тревоги, быстро подступающей опасности, от которой инстинкт велел сматываться со всех ног.

Тренер, заняв место в одном таком квадрате, опустил голову и свёл ладони в кулаки.

– Теперь мы должны немного подышать особым образом... Ах, да, вот ещё что. – Из кармана он вытащил плитку чёрного шоколада и раздал каждому по дольке. – Это не поощрение, не думайте, это необходимая часть программы, без которой ничего не выйдет.

Он снова отошёл от нас на пару шагов, чтобы не мешать, и начал вдыхать прохладный воздух, в котором уже угадывались нотки озона: откуда-то приближалась гроза.

«Мы не успеем», – тоскливо подумалось мне. Вдыхать надо было отрывисто, по несколько раз, заполняя лёгкие до отказа, пока грудь не пронзала боль, а в глазах не темнело.

– Почувствуйте, – проникновенно приказал тренер. – Поймите!

Кто-то из моих соседей вскрикнул. Его ноги срастались вдвое по сгибу колена, выпуская перепончатую птичью лапку. Мы распластали руки параллельно земле, уже не глядя на тренера, который с закрытыми глазами повторял речитативом, как заклинание – а возможно, это заклинание и было: «гусиное тело, крылья гусиные...»

Не помню перьев, своих или чужих. Не помню, как оставался позади город-полустанок, дремлющий с полужакрытыми глазами, учреждение в котором так напоминало мой прежний дом, лишённый двух верхних этажей обрывом лестничного пролёта... Каждый из нас на лету касался клювом вод странной чёрной реки, пересекающей город пополам, и резко набирал высоту.

Небо приближалось.

И я проснулся.

*Thinking of the times
How we laughed and cried
I wouldn't change a thing
I couldn't even if I tried
Through the wind and rain
The spirit of our song remains the same*

– Подышать? – переспросил Валерий. – Мы всё время дышим, ничего не происходит, кроме жизни!

– Я всего лишь дословно рассказал свой сон, – терпеливо объяснил я. Мы снова сидели в кладовой, свесив ноги над кручей. – Сны всегда в большей или меньшей степени абсурдны. Но его можно проанализировать. Возможно, нам это в чём-то поможет. Возможно, нет. К тому же подышать предлагалось особым образом. Как-то слишком глубоко, у меня сейчас и не получится. Во сне лёгкие были будто в два раза больше!

– Из-за шоколада? – улыбаясь, предположил Мика.

– Или из-за того, что все встали на колени, – ответил я и дерзко показал ему язык. – Можешь ржать сколько хочешь, но я захватил из столовки по кусочку шоколада для нас всех. Вот и проверим. На колени, холопы!

– А в твоём сне он тоже был синтетический? – уточнил брат.

– А хрен его знает. Настоящего никогда не ел.

Некоторое время мы, стыдливо не глядя друг на друга, стоически пытались повторять действия, производимые группой будущих гусей в моём сне. Думаю, при свете тусклых красных ламп это смотрелось особенно психоделически. Повторяя наши движения, на стенах плясали угловатые тёмно-кирпичные тени.

– Вообще никаких изменений не ощущаю, – признался я, сдавшись. – Там всё случилось гораздо быстрее.

– А гуси – это к чему, кстати? – вдруг спросил Валерка. – Что мы такого делаем... гусиного? Мы их вспоминали в прошлый раз и ничего связанного с ними не придумали.

– Возможно, из нас получаются и не гуси. Если и получаются. Просто... ну, особенность сна, это же не точный рецепт из книжки. В нём могут быть ложные ходы.

– Или один сплошной ложный ход, – тяжело вздохнул Мика. – Попробуем подойти с другого конца проблемы. Какие действия мы сейчас продельвали?

– Дышали, – стал перечислять Валерка, загибая перемазанные шоколадом пальцы. – Становились на колени. Ели сладкое. Мика, ты хочешь, чтобы мы теперь искали ассоциации в обратную сторону? К действиям?

– Верно. Давайте думать. Это всё бред, но давайте думать.

– Чувствовать, – загнул очередной палец Валерка. И строго посмотрел на нас. – Мы должны ещё чувствовать. И понимать. Но я не знаю, что.

– Всё равно мы не знаем птиц, которые звучат подобно чувствам, – пробормотал я и тут же был посещён видением.

Ровное, плавное течение в темноте, в конце которого брезжит свет. Тёплая вода. Чёрная. Разве бывает такая чёрная вода? Убаюкивает. Несёт. Не страшно.

И вслед за ним — знание.

Чувство.

Feeling.

– Хотя... если допустить, что мы можем использовать другие языки...

– У нас небогатый выбор языков. Я знаю только английский ещё, – сообщил Микадо. – А ты?

– А больше и не нужно, – широко улыбнулся я. – Как тебе слово feeling?

– Филин? – повторил за мной Мика и мигнул. – Если это сработает... и если мы придумаем, как это должно сработать...

– И что мы должны чувствовать, – стоял на своём Валерка, которого наш теоретический прорыв, кажется, вообще не впечатлил. – Мы и так что-то всё время чувствуем, как и дышим? Что, чувствовать тоже надо особым образом? Сильно-сильно? Очень-очень?

– Может быть, чувство должно быть девиантным, вроде пьянства? – подсказал я. – Гнев, ярость...

– Девиантное поведение – это путь в никуда. Моё шестое чувство подсказывает, что это неправильный выход, от которого ты утратишь разум, как выпь.

– Шестое чувство это тоже вариант, – повторил я задумчиво. Теперь казалось, что мы играем в какую-то странную игру, где с потолка свисают тысячи бумажек на ниточках, а мы наобум сдёргиваем их – и чем больше квадратных клочков оказывается в наших руках, тем больше правильных ответов мы получаем. Пустых выходит больше, но чисто статистически наш мозговой штурм уже можно было назвать удачным. – Не здесь ли нужно

копать?

– Ну вот, оно только что проявило себя в действии, – пожал плечами Мика.
– Опять что-то не до конца сделали?

Он с хрустом потянулся и встал.

– Знаешь, устал я за сегодня. Все эти научные тыки крайне утомляют. Давай ты посмотришь очередной сон, авось это внесёт ясность и даст нам дальнейшее руководство...

Я был на шаг от того, чтобы всерьёз дать ему леща, обозлённый не столько его пренебрежительным отношением к нашим изысканиям, сколько тем, как быстро он сдался. Ведь очередной шаг к цели был сделан! Он прочёл это по моим плотно сжатым губам и вздёрнул подбородок, оставаясь при своём мнении. Мы разошлись по комнатам, морально измотанные и обиженные друг на друга. За нами плёлся ничего не понимающий и расстроенный Валерка.

Мне не хотелось признавать, что версия с шестым чувством, возникшая из произнесённых слов Мики, была неверной – её не принесла чёрная вода. Может, она могла в будущем стать верной, но мы поторопились; слово уже произнесено вслух прежде, чем было готово родиться – и стало ложью.

После нашей едва не состоявшейся ссоры мы резко охладели к разгадыванию этого ребуса. Упорно делали вид, будто не было разговоров о побеге, не было вещих снов, не было попыток препарировать природу превращений и обратить её в свою пользу. Общались друг с другом подчёркнуто вежливо, но прежней открытости добиться пока не могли, что изводило нас обоих. Наконец Мика не выдержал первым:

– Аль, я был тогда как выжатый лимон и ляпнул не подумав. Порой я бываю из-за этого дьявольски нетактичным. Прости.

– Проехали, – бесцветно ответил я. – Давай не будем в ближайшее время обсуждать эту тему. Кажется, мы просто оборвали с потолка все верёвочки с подсказками и теперь щёлкаем зубами друг на друга. Если решение есть... пусть найдёт нас само.

– Мика! Алька! – запыхавшийся Валерка, примчавшийся явно издалека, схватил нас за руки. – Я говорил с Ривилом! Он в Шпиле всего три месяца!

Я посмотрел на них печально и твёрдо.

– Спасибо, Лерка. Я приму это к сведению. А теперь пойдёмте, пора грызть гранит науки. На вашем месте я бы поторопился.

Развернувшись, я двинулся в озвученном направлении.

– Аль, ты что? Времени почти не осталось! – раздался сзади тонкий обиженный крик Валеры. Что-то негромко сказал ему Мика. Я не оборачивался, чувствуя, как спину мне сверлит яростный взгляд. Ну да... я же не знаю, как долго он сам тут находится. Возможно, у него самого остались считанные дни, пока его мать ещё можно вытащить из перьев. Я шёл в аудиторию, и что-то внутри у меня разбухало и болело, и упиралось в наросший когда-то панцирь. Но на этот раз я не пытался отвлечься, забыться, и позволил ему жить. Оно

продолжало болеть, пока я занимался обычными ежедневными делами, попутно избегая своих ребят, и надеюсь, что оскал, застывший при этом на лице, хоть как-то напоминал улыбку. Ни к чему пугать посторонних.

Тем вечером я лёг спать, придя точно к отбою, чем вызвал молчаливое удивление соседей. Машик приоткрыл рот, намереваясь спросить что-то, но передумал. Стоило голове коснуться подушки, верхний свет погас.

Я готовился к тому, что сегодня уснуть не удастся. Душевная боль разрасталась всё дальше и дальше. Было бесконечно жаль ребят, от которых я продолжал отдаляться, не в силах справляться с нервным истощением. Они доверились мне, а я ничего не смог сделать. Лерка считает меня предателем. Бесконечно жаль отца, которого я наверняка не успею спасти и который не готов спасаться в одиночку. Но почему, почему... Как вынести на себе столько вины сразу?

Я расслабился. Пусть река сама несёт меня.

И пришли чёрные воды, пробуждая все органы чувств.

Толстый зелёный полумесяц с сочной красной мякотью в ладонях, пахнущий свежескошенной травой. Щёки, вымазанные арбузным соком. Большие сильные руки, подбрасывающие малыша в небо. Небо синее, чистое. Близко-близко смеющееся лицо: нравится летать, сынок? Вместо всех слов – восторженный визг. Метёлки трав, позлащённые заходящим солнцем. Стебли расходятся на бегу, толстые тяжёлые насекомые падают с них на тёплую землю. А кто это идёт нам навстречу? Побежали, кто быстрее? Тонкая гибкая женская фигура на дороге. Силуэт на фоне заката. Присела, тянет руки. Косолапо добежать, уткнуться в шею, учуять родной запах. Аа, я вас догнал! Куча мала; и снова небо перед глазами, в котором тонешь, вздыхая и улыбаясь до ушей от полноты бытия.

Пауза, сказала чёрная вода. Ты хочешь дальше?

Хочу.

Папа, папа, где мама? Сильные руки дрожат. Малыш, мы не можем здесь больше жить. Я родом из города, мы вернёмся туда. Тяжёлый воздух, щиплющий глаза. Неудобный респиратор. Папа, плохо!

Переключаю восприятие, шепнуло извне, и вернулась тьма. Теперь я слышал только голос, который почти успел забыть.

Бедный ребёнок, он не привык к такому. Да и мне это стало непривычным. Тяжёлая работа, безденежье, отсутствие какой-либо природы, с которой я накрепко сжился. Даже за паршивый глоток воздуха нужно бороться... После того, как не стало Анны, я почти не вижу ни в чём смысла. Только Алька меня держит. Ради него я вновь преодолеваю каменный лабиринт города и думаю о завтрашнем дне. Я тысячу раз думал, как оборвать это всё, и тысячу раз менял своё решение. Но без вот этой дозы, сынок, не смогу, я слишком слаб. Прости меня, малыш.

Так вот как он меня любит?!

Внутри что-то надломилось, подобно скорлупе.

Чудовищная энергия, которую человек вместить в себя не может.

by Sary Dragon

Душа, лишённая опоры, лишённая оков, хлынула наружу, рванулась, вынося себя за пределы тела широкими сильными крыльями, а тело сжимая и выкручивая, и это казалось естественным, как сама жизнь. Я сделал плавный круг по комнате, бесшумно, ибо я был филином, и бесшумно же приземлился на свою постель, не желая разбудить кого-либо движением воздуха.

Отец, я не готов принять причину, по которой ты стал выпью. Можно было бороться иначе.

Но готов простить.

Меня переполняло счастье отсутствия боли, казавшееся слаще оргазма.

А потом я провалился в блаженную пустоту.

– Офигеть, – прокомментировал Мика, которого я выловил с утра пораньше и поделился подробностями своего преображения, продемонстрировав найденное утром на подушке совиное перо. – Так просто всё?

– Просто? – взвился я. – Это путь, который я прошёл в одиночку! И я не знаю, как справиться с ним вы! И что нужно будет лично вам почувствовать. Валерка... он же маленький совсем!

– Раз маленький, так уж ничего и не в состоянии чувствовать? – как-то грустно усмехнулся брат.

– Дело даже и не за этим стало. Свои чувства надо будет принять, а не отталкивать их, когда поймёшь, что грань выносимости пройдена.

– Вроде как целоваться с паяльником? – провёл Мика грубоватую аналогию. Но я кивнул:

– Испытывая при этом истинную нежность к паяльнику.

Он помрачнел:

– Да, это гораздо сложнее. Но мы должны рассказать ему в любом случае. И мы все попробуем.

Валерий не разделял общего оптимизма. Когда я описал общими словами, что ему предстоит, он печально сполз по стенке и уставился невидящими глазами в пространство:

– Теперь вы меня бросите. Мне нечего чувствовать ничего такого... сильного... и я не смогу.

Я решительно огляделся и откинул спинку многострадального дивана, запавшего сразу всеми пружинами:

– Ложитесь. Оба.

Удивлённые непривычным командирским тоном, они молча полезли на диван, отчего над нашими головами взвилось немалое облачко пыли, а Валерка закашлялся:

– Гадость...

– Сосредоточьтесь. Закрываем глаза. У вас на душе раны, они болят и ноют, не давая покоя. Подумайте, какая из них сильнее всего. Не бойтесь снова ощутить. Мы когда-то сами неумело наложили на них швы, и теперь там

накопился гной. Вокруг темно, — я тоже зажмурился и шевельнул пальцами, подражая Мике. — Это обычная тьма, но вскоре вы понимаете, что плывёте на спине по реке, слабое течение которой несёт вас вперёд. Там выход из туннеля, который кажется вам пока еле заметной светящейся точкой. Вода в реке чёрная. Даже не потому, что темно. Она чёрная сама по себе, тёплая и ласковая. Вы готовы довериться ей, как родной, потому что рано или поздно она вынесет вас к свету. И вы открываетесь ей там, внутри. Снимаете в чёрной воде повязки со старых ноющих ран. Первая волна обожжёт вас, это неминуемо. Зато вторая будет вашим лекарством.

И шёпотом добавил:

— И даст крылья.

После этого мы несколько часов провели в молчании и неподвижности, только лица братьев иногда искажались неконтролируемыми гримасами. Ребята явно старались последовать за мной. Я тоже старался не шелохнуться, чтобы не вывести их из транса. Потом перестал ощущать ноги, отсидев их окончательно.

Внезапно Мика с закрытыми глазами издал пронзительный крик и выгнулся дугой на диване. Ещё мгновение — его сотрясло короткой трансформацией, и хищная ночная птица, оглашая тесное пространство кладовки ликующим кличем, совершила у нас над головами свой первый неуклюжий полёт. Очнувшийся Валерка смотрел на филина в восхищении.

Плюхнувшись обратно на потёртую обивку, Мика вернулся в своё тело и некоторое время не мог заговорить. Он переводил взгляд с меня на Валерку, беззвучно открывал рот и размахивал руками, потом расхохотался и откинулся на спину.

— Я смог мысленно объяснить с Риян, когда плыл, — отсмеявшись, сказал он. — Нам в тот день всего лишь не хватило немного взаимопонимания. Я полечу к ней вместе с вами! Валерка, малыш, ты чего такой смурной, а?

— Я забыл, — горестно признался наш рыжик, вцепившись пальцами в колени. — Реку помню. Как чуть не умер — помню. А почему, забыл...

— Это я виноват, — чернея лицом, сообразил Микадо. — Я превратился первым и прервал твои мысли. Надо попробовать ещё раз!

Валерку всего перетряхнуло. Но он беспрекословно лёг обратно. Какое-то время лежал так, потом попросил смущённо:

— Аль, поговори ещё раз... ну, как в прошлый раз, про воду.

Я повторил, пытаясь быть дословным.

Он полежал ещё и наконец убито сказал:

— Не получается. Наверное, только один раз можно было туда зайти.

Мы долго молчали, не зная, что сказать друг другу. Валерка обхватил себя руками. Мика подсел к нему и прижал к плечу.

— Знаешь, — произнёс он наконец, упираясь ему подбородком в макушку и немигающе глядя вдаль, — мне ведь лететь совершенно не обязательно. У меня на свободе никого нет, кроме Риян, но я думаю...

На этом месте Валерка отстранился от него обеими руками и серьёзно

посмотрел в глаза, продолжая держать за плечи. Мы увидели, что у него до крови прокушена губа.

– Нет. Ты должен лететь, несмотря ни на что. Даже на меня. Я видел, какой ты сейчас был счастливый. Пусть это счастье станет нашим общим. А если я не смог, почему должны страдать вы? Летите одни. Только пообещайте мне одну вещь. Вылечите мою мать, ладно?

Чёрная река за одно мгновение пронеслась у него в глазах, обрушиваясь широким мощным водопадом.

Краткая судорога преображения.

Так у нас появился ещё один филин.

*We cross another road
And face another day
Soldiers never die
They only fade away*

В тот день я был собран и деятелен, как никогда. Дождавшись визита отца, я прожестикублировал ему сообщение того же рода, что и в прошлый раз, добавив: «Прилетай на крышу после десяти вечера. Уйдём вместе, знаю как». Уж не знаю, что думали при этом другие ребята, и знал ли кто-нибудь из них этот язык. После того, как комнату покинули младшие, это была на редкость молчаливая стайка.

«Простите, что нет возможности спасти вас всех», – мысленно взмолился я. Обучение заняло бы слишком много времени. Кроме того, разработанный нами план не предполагал массового побег. Это должно было случиться тайно, ночью.

Во время вечерней прогулки мы притаились, как мыши, за невысокой кирпичной стенкой, примеченной нами раньше. Чтобы попасть сюда, требовалось сделать с десяток осторожных шагов по узкому карнизу на стене. Он был косо прилеплен ниже уровня крыши метра на два. В условиях зимы и порывистого ветра не самое безопасное предприятие. Рыжик изначально сделал большие глаза и замотал головой, но я сказал ему на ухо: «Дурачок, не трусь. Подумай о том, что ты уже сделал». Это сработало, мы помогли ему спуститься и сами поползли вдоль стены, одной рукой хватаясь за край крыши, а другой подстраховывая братца, у которого такой возможности не было из-за мелкого роста. Ноги скользили, мокрые грязные комья снега летели с карниза в чёрную бездну. После этого какое-то время нам было даже жарко, а когда мы вылезли обратно на крышу, привалились к нашему скромному убежищу и немного отдышались, мороз начал покусывать нас за ноги и пробираться под полы одежды. Валерка бесшумно чихнул, схватившись за нос.

Было семь вечера. В восемь выход на крышу закрывался, а в десять наступал отбой. Мы надеялись, что за промежуток до закрытия о нас забудет верхняя охрана, хотя надежда была слабой, а если нас и будут искать, то где-нибудь в другом месте.

Мы сбились в тесную кучку и согревали пальцы перемешанными

струйками дыхания. Пританцовывали и приседали, слушая возбуждённые Микины рассказы о том, как его невеста, несомненно, примет их и будет рада помочь их птицам.

– Риян очень добрая, – убеждённо говорил он. – Вспыльчивая, бывает, но всё-таки хорошего в ней больше. Вы её тоже полюбите.

– А ты можешь потом познакомить нас с Бенедиктом? – попросил я. – Мне почему-то кажется, что отцу пойдёт на пользу немного погостить у него, если дед согласится.

Мика высказался в том духе, что, разумеется, Бенедикт будет просто счастлив, да он и сам не прочь навестить Край Света ещё раз. А потом слетать в другую сторону и увидеть, что делается там.

Больше мы планов на будущее не строили, опасаясь спугнуть удачу.

Играли в города, читали стихи, считали кирпичи на стенке.

Время, которого нам так всегда не хватало, ползло беспощадно медленно. По нашим расчётам, оставалось минут пятнадцать. Я еле ощущал собственное тело, окоченевшее на ветру, и терялся в догадках: то ли мы убиваем три часа, то ли три часа убивают нас, и у кого выходит лучше.

Внезапно вся крыша озарилась светом и наполнилась топотом множества ног.

– В последний раз их видели тут, – услышали мы чей-то озлобленный голос. – Контроль сказал, что обратно они не спускались. Ищите!

Мы медленно встали и вжались в стену. Если они догадаются заглянуть за угол, то могут увидеть в щель наши ноги.

Давно так не билось сердце. С тех самых пор, как...

Тогда я так же жался к стене, пытаясь слиться с ней.

И отец летит на меня, как тогда. Правда, на сей раз я успел заметить его издали. И ещё одна выпь за ним. И ещё... сколько же их? Ай да папка!

– Неужто вниз сиганули? – недовольно предположил другой ювенал, стоящий совсем близко. – Идиоты! Посмотрите там, доложите. Один отряд остаётся на месте.

Струдом разгибая пальцы, я показал подлетающей стае: «Опасно! Держите дистанцию!» Вожак тут же заложил поворот, увлекая за собой остальных. Я подманил ребят, и мы склонили вместе головы.

– Настало время, – прошептал я. – Нам придётся самим добираться отсюда до остальных. Возможно, будет обстрел. Постарайтесь лететь не по прямой. Превращаемся, – и нервно выдохнул.

– А как это делать теперь? – беспомощно оглянулся Мика. – В прошлый раз мы спали...

– Лерка бодрствовал, – возразил я, начиная беспокоиться, и кинул на него быстрый взгляд. – Мы можем, спать не обязательно!

«Инициация», – прошепстало в голове, ставя всё по местам.

– Что такое инициация? – немедленно спросил Валерий, морща лоб.

– Вы ели шоколад на ужин? – задал я встречный вопрос. Крайне глупый в сложившейся ситуации. В отдалении кружила немалая стая птиц, рискуя привлечь к себе внимание. На ярко освещённой крыше в боевой готовности

расположилось полтора десятка человек, высматривающих троих мальчишек, сжавшихся замёрзшими мышатами за ненадёжным укрытием. Я продолжал терять контроль над телом.

– Ел, – сказал Валерка, а Мика просто кивнул.

«Плацебо». Правда? Ну и ладно. Почему ты помогаешь нам?

«Soldiers never die they only fade away»

Это загадка?

«Это песня. Вы смешные птенцы. Теперь всё в ваших руках. Прощайте».

На какие-то секунды, потрясённый, я перестал видеть и слышать мир вокруг, но потом очнулся, вздрогнул и оглянулся на братьев.

– Действовать придётся быстро, – предупредил я. – Сейчас мы встанем на парапет на колени и, возможно, окажемся в зоне видимости. Вспоминайте: руки параллельно земле. Глубокое дыхание. Готовность к полёту. Здесь, наверху, чистый воздух, у нас получится.

Микадо оставался серьёзным и снова кивнул. Рыжик смотрел на меня восхищённым взглядом. Он больше не боялся и испытывал только радостное нетерпение.

Мы одновременно сделали шаг к краю. Я позволил спокойной пустоте овладеть собой. Меня не волновали раздавшиеся за спиной радостные азартные крики. Важно было только то, что со мной происходит.

скорее летите к нам алька

Стая волновалась, с трудом удерживаясь, чтобы не рвануться навстречу. В траектории её полёта угадывалось скрытое напряжение, как в свёрнутой пружине. Одна из птиц отделилась от прочих, и я с замиранием сердца узнал её. Ну зачем?!

они целятся я прикрою

нет назад

алька не бойся я прикрою

не смей назад ты мне нужен папка

Взмах крыла, тормозящий движение. Удивлённая, осознанная радость в круглых выпыхлых глазах, торжествующий вопль, невозможный для птичьего горла. Непередаваемые мыслеформы, в которых сильные руки снова подбрасывали меня в небо.

Густой, как кисель, тёмно-серый зимний воздух с зависшими в нём снежными хлопьями вспарывали медленно летящие пули, от которых мы уворачивались в плавном танце ночных хищников.

Не помню перьев, своих или чужих. Не помню, как оставался позади город-полустанок, дремлющий с полузакрытыми глазами, учреждение в котором так напоминало мой прежний дом, лишённый двух верхних этажей обрывом лестничного пролёта...

Небо приближалось.

И это больше не было сном.

Пожелайте нам ни пуха ни пера.

*В тексте использованы фрагменты песни
The Best Is Yet To Come (c) Scorpions
28.02.2013 – 18.03.2013 (c) Hunter*

Одиночество

Когда скулы сведены злобой
И набатом гудит в мозг,
Мышцы лап в напряжении томном –
Можешь смерть подарить ты врагу.

Пусть окрасятся кровью реки,
Потекут по снегам ручьи,
Свято помни ты строки эти –
За спиною твоей они.

Проницательным будет вечер,
Путь подсвечен холодной звездой
И затихнет внезапно ветер
Пропуская тоскливый твой вой.

Ты один в одичавшем мире,
Нет подобных тебе теперь...
Позабыл от загадок ответы –
От замка хранящего дверь.

А за дверью таится надежда,
Подкреплённая верой в любовь,
Что когда-нибудь будет прежним
Мир, в котором сейчас ты живёшь.

Боль терзает душу смиренно,
Не заглушит её ничего
И бросаешься в бой, смело
Получая в сраженье покой.

Но закончится битва лихая,
Сгинет негa скользнув за порог,
Вскинув морду к луне безучастно
Вновь продолжишь крестовый поход.

Ах, как просто было бы сдаться,
Тихо сдохнуть в траве у дорог,
Но толкает вперёд бесстрашно
Та надежда что за дверью живёт.

Обрести бы ту душу родную,
Что дождётся всегда и поймёт,
Отгадать все загадки от двери
За которой надежда живёт.

Мантс

den.prozherin@yandex.ru

<http://prode.furnation.ru/>

Чай

*(о сходках и слётах, и о том, что
остаётся в памяти после них)*

Есть чай со вкусом всех воспоминаний,
Далёких встреч, полуночных бесед.
С кусочками немых полупризнаний,
Грядущих радостей и пережитых бед.

Зелёный чай с жасмином, в узкой банке,
Большая кружка для заварки, ночь.
Три друга рядом в милой перебранке
В лицо подушкой с радостью спешат помочь.

Чай чёрный, в баночке от сыра.
С драконом разговор о чтении книг,
Об авторах, и о кусочках мира,
Которые, кто как сумел, постиг.

С полыни чай, из кабачков, из лета,
Из одуванчиков заваривал отец.
Как я ни приезжал – повторы цвета,
Повтора вкуса нет – всё разный был венец.

Король поездов, турпоходов, лени –
Пакетик чайный, тот, что из простых.
С ним кружек тысячи затемнены осенних
Средь дней, на радость полных, и тоской пустых.

Чай травяной, высокогорий Крыма,
Стоит теперь на полке – грустно пить:
Подарен гостем дорогим и милым,
И хочется с привычки в третью кружку лить.

Ещё о многих не скажу, но вспомню.
Как жизнь на вкус – такой бывает чай.
Задумчив, обнимаю кружку сонно,
Воспоминания хлебаю через край.

Азеркин

Слова не значат ничего,
Пусть говорят «будь человеком».
Пусть думают, что отжило,
Ушло во тьму с двадцатым веком.

Не человек. Докажет хвост,
Клыки и мех, а может крылья.
Их чувствуешь, ты с ними рос,
Не признавал своё бессилье.

С людским лицом по жизни путь
С рожденья в этом мире начат.
Ну а во снах ты кто? Вот суть
Молва же ничего не значит.

Осень

Голые ветви и небо над ними,
А может быть, в ветках небо застряло.
Кусочек позвать бы, только нет имени,
Рукой дотянуться – уже упорхало.

Солнышко тёплое, но тускло-тоскливое,
Листья проводит на землю холодную.
Что ни погода – настроенье сонливое,
Так и проспал бы зиму голодную.

Так и уснул бы, но ветер зовёт меня,
Напоминает, что мы – перелётные.
Жгу на прощание ветки тополя,
Что ж, до свидания, земли болотные.

Чешуя листопадная солнцем приласкана,
Ветер крылья наполнил, зарумянил морозцем –
Вот так улетела осени сказка...
...а нам остаются дожди вместо солнца.

* * *

А тема грёз спокойна и мила,
Заманчива, как нежиться с утра в постели.
Легко на настраивание легла,
И кажется, что крылья шелестели.

Почудится, что ветер в крылья бьёт –
Расправь их, и – навстречу ветру!
А там – заманчивый полёт,
И ветер ласковый тебя проводит к лету.

Поток воздушный гладит чешую
И в волосы вплетает свои песни.
Крылом обняв воздушную струю,
Летишь туда, где интересней.

Простор небесный, воздух, красота!
Купаешься в лучах луны и солнца.
На крышах туч заметна высота.
Влетаешь в них и делаешь оконца.

Резвишься там, а после, на земле,
Домой плетёшься, заплетаясь в лапах.
Ложишься греться у пещеры на скале,
Вдыхаешь полной грудью леса запах,

И засыпаешь там, чтобы проснуться здесь,
В своем неловком, но привычном теле.
Роится на солнце пылинок взвесь.
В себя приходишь, не встаёшь с постели.

А после, хвост прижав и крылья защитив,
Встаёшь, чтоб делать то, что называют бытом.
Но даже в серых днях крылатый будет жив,
Пока мечта полёта не забыта.

Мора Лирран

evangelinas@mail.ru

<http://evangelinas.furnation.ru/>

* * *

На меня натравишь своих псин,
Я же убегу, махнув хвостом.
Думаешь, на это нет причин?
Не сейчас поймаешь, так потом?

Вьюга стелет чёткий белый след
От норы до озера и вдаль.
Но меня давно, увы, здесь нет.
Ты вздыхаешь грустно: «Очень жаль...»

Дикий лай и гончих, и борзых
Шерсть загривок поднимает, фас!
Убегу от вас и от других,
Как сбегала сотни тысяч раз.

Победа горька

Слагать баллады безумству храбрых способен каждый.
И время скроет грехи героев не столь отважных.
Пускай десятки и сотни тысяч внимают песням,
Итог для многих подобных сказок давно известен.

Пусть все красиво, но в тёмной гриве седые пряди.
И мы смеёмся семьям погибших в глаза не глядя.
Пусть тело в шрамах, но мы упрямо не замечаем
Во взглядах близких, родных, любимых, друзей — печали.

С победой нашей по кругу пустят стальную чашу
И в ней утопит свои печали от войн уставший.
В дрожащих лапах под бой нагара сжимаем славу,
Но рвёт звенящий победный гомон на сердце рану.

Pillgrim Wolf

remy.garou@gmail.com

<http://graypaws.furnation.ru/>

Ожидание

Мне тоскливо, мне хочется жизни,
но пока что я заперт внутри.
Все давно уже чахнет и киснет,
суждено ли мне ключик найти.

Я смотрю на ладони в надежде,
что увижу подушечки лап.
Что смогу пробежаться, как прежде,
громким воем встречая закат.

В отраженьи я вижу не морду,
нет янтарного блеска в глазах.
Но держать буду голову гордо,
я давно позабыл слово страх.

Сколько ждать мне ещё неизвестно,
могут дни и недели пройти.
Я смогу возвратиться в то место,
где случилось мне счастье найти.

Взгляд направлен в осеннюю чашу,
а в груди громко сердце стучит.
Я уверен — окажется слаще,
результат, что уже впереди.

Перемены

Я ушел, оставляя все в прошлом,
нелегко было сделать мне шаг.
Замести все следы было сложно,
было сложно понять этот знак.

Волк поднялся и движется к цели,
его лапы ведут к тем холмам.
К тем холмам, за которыми ели,
тянут ветви свои к небесам.

Без друзей волку будет непросто,
будет выть по ночам и скулить.
Эта боль ему кажется острой,
но любимых не сможет забыть.

Родной лес никогда не забудет,
где волчонком он мир познавал.
А теперь окружают лишь люди,
волк попал на людской карнавал.

Плотно маска на морду надета,
под футболкой прячется хвост.
Остаётся дожидаться лишь лета,
лишь тогда сможет высунуть нос.

Сможет бегать по лесу на лапах,
сможет быть со своим вожакom.
Ведь в лесу потрясающий запах,
и волчонку он с детства знаком.

Сэголь

hatulashelkira@yandex.ru

<http://segol-hane.furnation.ru/>

Лунная невеста и снежный барс

Я молюсь тебе, луна... Потому что настоящие боги — в нас самих, и на самом деле, никогда не слышат молитв. Ты же, луна, сегодня так заманчиво-прекрасна, притягиваешь к себе мой взор настолько крепко, что не отвести, не опустить... Бирюзовыми и голубыми лучами, как шёлками, расшиваешь ты тёмный бархат высоких зимних небес, своей обманчивой желтизной сулишь полные пригоршни золота и серебра в ледяной воде — там, где расколот лёд, и горная река убегает прочь из последних сил. Я бы хотела пойти за водой, в уютное тепло долин? Или отважно подняться к истокам, к сияющему хрустально ледников, которые поят эту реку? Я не знаю. А вода — наверное, она лишь мираж, видение... Любая вода сейчас скована, замерзает дыхание, инеем покрывая ресницы. И уже не знаю — величественные горы моей надежды или этот суетный город простирается под светом полной луны. Реальность теряет значение.

О, полная луна, исцели моё сердце, уязвлённое пустотой! Заполни меня чистым светом! Смой страх, мелочность — и даже привычную человечность, всё, загрязняющее меня! Твои сияющие лучи разъедают привязи моего осторожного рассудка.

Благослови моё безумие, Небесная Охотница! Я больше не верю в эти руки, которые не ощущают тепла меха. Я больше не верю в эту голову, с бурными занозами быта, засевшими между бровей. Я больше не верю в глаза, которые не видят Его родного лица. Я больше не верю в ноги, способные стоять лишь на незыблемой тверди. Я больше не верю в своё лоно, неспособное выносить Его котят.

Отрицание и приятие.

Я приняла в себя лунный свет вместе с безумством. Я изменилась. Теперь глаза мои — бериллы из самых корней гор, брови и волосы начертаны снежным серебром с недостигаемых вершин. Платиновые когти увенчали чуткие персты, плоть моя обратилась живым алмазом. Ноги мои ступают легко, не проминая наст, не тяготя натяжение плёнки воды. Нутро моё прозрачно, и резвятся яркие рыбки внутри. Нет во мне тени, нет ила и сокрытых омутов. Прекрасен наряд невесты, убор её сути, открытый взорам, воздуху, воде и свету.

Я презрела то, что называют люди судьбой, и то, что многие зовут «невозможным». Что мне до всех этих слов, когда лунная сила в моих руках, когда сияние бежит по венам вместо крови, когда прозрачно и невесомо тело? Когда на горизонте вздымает величественные венцы горная корона... И когда с искрящегося синевой и чистотой склона уже сходит тот, кого я так долго ждала.

Торжественна и нежна музыка звёзд, под которую спою я свою свадебную песнь, прославляя Его красоту! Изящны Его клыки, и крепки челюсти, что без ошибки впиваются в шею горному барану на охоте. Когти его остры, как рога твоего месяца, о луна, и скрыты в ножнах из драгоценного меха, в котором тонут мои пальцы.... Меха, что кажется ярче снега и теплей костра, богаче всех королевских сокровищ, и покрыт столь прихотливым и изысканным узором пятен. Глаза его светлы, как ясное небо, и прозрачны, как горный ручей. Когда-то ходил Он на четырёх мощных лапах, но теперь я вижу, что раздались Его плечи, выпрямилась спина — и идёт он ко мне, опираясь на две ноги, как и я сама. Не одна я изменилась этой ночью, луна! И который из мужчин теперь может быть назван более доблестным и красивым, чем этот Снежный Барс, которого я надеюсь назвать своим?

Будь моей посажённой матерью, та, что была мне свахой! Вплети ленты в мои побелевшие волосы. Вложи в руку копьё, моё приданое, чтобы смогла я охотиться вместе с Ним. Поцелуй моё чело своим лучом на прощанье и толкни меня в спину, между лопаток — я побегу навстречу Ему. Я не оглянусь назад. Не пристало Лунной Невесте сожалеть о прошлом, сочетаясь браком с любимым.

Наконец-то объятия соединят нас. Ласка моей светящейся руки и его шершавого языка. И мы уйдём за грань, в те неведомые горы, что застыт общий наш горизонт — прекрасное звериное божество и эфемерная падчерица луны. Забудется то, кем были мы раньше. Этот путь только начался сегодня ночью, и ждут нас вдали бесчисленные горные тропы. Там, где пройдем — благим вестником перед нами пробежит весна, порождая звонкие ручьи под ногами, а вослед нам полетят протяжные песни, сочинённые людьми. Их молитвы, обращённые к мимохожим, ненастоящим богам... которые могут услышать их голоса. Славьте счастье Лунной Невесты! И не грустите обо мне, ушедшей далеко. Ведь я больше не одна. Со мной мой Кот, с которым обручила меня полная луна.

На прилагаемом к альманаху диске MRFF2014 вы также можете найти текст и аудиозапись поэмы «Мимолётные сны» представленного автора. А также другие тексты.

Вультур-Мартес

kyrapraxin@gmail.com

<http://vultur-martes.furnation.ru/>

От автора: Это первая попытка создания произведения на «пушистом языке» куниц. Так как он труден для понимания, за произведением следует небольшой словарь. Я бы не отважился присылать Вам это, но разговорные фразы в документе, который выше, звучат, на мой слух (я считаю), слишком уж пресно и почеловечески. Так что вот оно: «почти на все непонятные слова есть словарь».

Данный текст, как указывает автор, является заготовкой. Но мы решили включить его в выпуск из-за интереса к экспериментам по построению фурри-языка. На сопроводительном диске MRFF2014 присутствует другая версия рассказа, а также не вошедшие в печатную версию работы автора.

Скажи: Я есть ты. Летающая куница.

(В соавторстве со squirrel3500)

В глубинных дремлющих лесах Ховтовии¹ стояла ель. А в дупле жил куница-желтодушка², сочинявший дивные стихи. Трудно передать куничные стихи по-русски, но попробую...

Ель раскрыла алые уши,
Белок радость – седая тайга
Словно зверь – от моря до гор
Возлежит на рубинах-алмазах.
Белка шишку свою шелушит,
А медведь – любитель малины.
Лишь меня опричники ищут –
Нет покоя в сердце моём.
О Кошачий король, прими
Меня в свой золочёный чертог.
Ели там состоят из чандманей³,
А коты – в бронях из стихов.

Внизу, под деревом, началась какая-то возня. Куница выглянул и узрел двух куниц-белодушек⁴ в чёрном облачении и с кожаными хлыстами, которые пилят ту самую ель, в которой и жил наш куница. Это были опричники злого царя Ландармы⁵.

О Кошачий Король! Величайший!
И куничку к себе ты прими.
С душою этого дерева,

Ибо мир сей – юдоль страданий.
Лишь мир МРЯУ⁶ великолепен,
О великий Муур Рид Ард Улс⁷!
Где дворцы из чудесных букв,
Корабли словно песни уток.

— Уважаемые⁸ звери, не кажется ли вам достаточно уместным в сей ситуации предпринять попытки забраться на эту ёлку в полтора ваших роста и вытащить меня из дупла?

— Сомкни клычки⁹! Без тебя разберёмся!

Тогда куничка завращался в священном танце и воссоединил свою душу и душу падающего дерева с Единством бытия, душой всей Вселенной. Так куницы могут перемещаться в иные миры без авионов¹⁰, ниссэн онгоцов¹¹ и виман¹².

— Что это было?

— Да, это было.

— фЪррр! Упоротая желтодушка птицанула¹³! – зафЪррркали¹⁴ опричники-белодушки. – нам Кровавый Князь уши начистит!

— Давай начистим друг другу уши заранее, тогда он не сможет.

— Студёная былина¹⁵...

В отчаянии опричники-белодушки попытались уйти в лес, но отчаяние цеплялось за ветки и не давало идти, так что пришлось его снять.

Но улетели куница и душа дерева недалеко... застряли где-то в облаке.

Куница походил по мягкому, как жемчужная овечья шерсть, причудливому, словно замок доброй морожен, забавному, словно весёлый хорёк, сияющему, как колесница Индры, облаку. Адамантовая сфера – небосвод из синих, как слёзы харзы, обширных, как благороднейший Океан с его рыбами, камней была настолько близко, что её можно было потрогать лапой. Что куница и сделал – сфера была тёплой, как подогретая маковая булочка, и твёрдой, как корона Ландармы, в то же время мягкой, как болото с лягушечками. Из-за облачного столба вышел кошачий герцог МВРЗК, прибывший сюда из самого королевства МРЯУ. Речи его красны да лепы были, но зело мудрены.

— О боярин кошачий! – молвил желтодушка.

— Боярышник кошачий?! Сам ты куст... шутка!

— Не вели уши драть, вели слово сфЪрркнуть! Позволь мне распоследним подлапчиком¹⁶ твоим быть, лишь к Ландарме не возвращай!

Герцог МВРЗК улыбнулся в пышные усы-вибриссы.

— Нее, пан Куница, мы подлапчиков не держим. Душу дерева мы пристроим куда-нибудь, а ты... ты же поэт! Старокошачий язык¹⁷ знаешь?

— Да как же не знать!

— Ну вот кто может тебе стежку перейти? Ты – куница летающая и Святой Язык ведаешь.

Ты сможешь победить Ландарму! Используй свои стихи: ведь всё, что написано на старокошачьем, становится реальностью, не зря он

Василевсом да Муррой¹⁸ создан, и помни святые слова: «Скажи – я есть ты, ты есмь я». Больше тебе ничего не нужно! – и снова кот улыбнулся. И разверзлось облако, аки бездна звёзд, словно врата Нижних Миров, и желтодушка упал и полетел. Вниз.

Но, поскольку он куница летающая, он умел направлять свой полёт. Вот и сейчас, вращаясь и планирую лапками, он полетел над святой тёмно-изумрудной тайгой... и в итоге приземлился у врат какого-то града... Жаль только, то был стольный град Ландармы.

Глава 2

Внезапное воспоминание пронзило голову куницы – как прибывает к городу его корабль, сделанный из сияющих строк поэмы «Корабль-Утка».

Вот старый острог, где некогда Куница лежал в тёплом гнезде, вот расселина в горах, где он впервые встретил сухопутных и говорящих рыб. С ним ли это случилось или он просто ловит мысли существа, бывшего до него? Куница не знал. Не обращая внимания на куниц-опричников, куниц-казаков и куниц-стрельцов, (все они были белодушки), сновавших по узким улочкам, он стал искать свидетельства жизни иной, жизни второй в этом городе. Он прикрыл глаза и вспомнил здесь сухой, словно сахар, снег и базар, где он (или не он?) покупал себе сладости...

Хоть мне не выйти из Города –
Цибь живая во мне живёт.
Вокруг – крикливые звери,
А в сердце – дивная песня.
День мой последний был –
Красный мост и река.
Ныне орёл парит
Над иссушённой равниной.
Падал тогда снег на лес –
А ныне сухие горы.
Древняя крепость эта полна
Осколков былых времён.
С острога грустно гляжу я вдаль
На святые Белые горы.

Куница печально осматривал кривые улочки и чёрные избы, вспоминая нечто иное, нечто второе. И тут он узрел гонца-белодушку, что ходил по городу:

Дорогие звери,
Открывайте двери.
Царь великий Ландарма
Всех не кормит задарма,
Преступников будут казнить –
Оборвётся их жизни нить!

Такими вот безыскусными стихами стогнял он всех куниц на площадь у острога. Наш куница тоже пошёл к площади, где узрел Лобное место, наполовину белое, наполовину красное по понятной причине.

— Сейчас будут жмурить гишторика¹⁹ за то, что он уронил мышегрызы²⁰, и многие листы мудрости²¹ стручканулись²².

Наш желтогорлый куница сидел тихо, но тут не выдержал.

-фЪрррр! – зафЪрркал он. – Стойте!

Все встали.

— Сядьте!

Все сели.

— Попрыгайте на одной лапе!

— Да достал!

— Он уронил мышегрызы по моей вине! Он хотел достать рыбий словник, чтобы перегнуть для меня пургу²³, сказанную мне рыбами!

-фЪррр. – отозвался с маленькой башенки на остроге князь Ландарма. – Оставьте гишторика, зажмурьте²⁴ желтогорлого дикаря²⁵.

— Слушаем – воскликнул глашатай, — Возню²⁶ продавца лука, просушившего пух²⁷, что его лук — символ Вселенной и поцапавшийся²⁸ с продавцом моркови.

— И этот песок просыпан вслуху моих действий²⁹! – сказал наш куница. – Я сфЪркнул продавцу лука о разбрыливаннии мыслями³⁰, сфЪррканом как «Цибь» — Единстве Бытия – и слоистой Вселенной³¹, и мы решили, что репчатый лук – лучшее средство, чтобы показать эти слои Вселенной. Просыпал я³².

— Ооооо – возопил Ландарма-белодушка с башни – тогда отпустите продавца лука и зажмурьте лесную куницу дважды!

— Просыпала песок – воскликнул глашатай – каменная куница, что переделала разрушенную метеоритом печь в музыкальный орган!

— И тут я виновен – молвил Куница. – Это я рассказал ему, что Цибь и Единство Бытия³³ проявляются в музыке, поэтому он и сделал так.

— Трижды зажмурить, трижды! – заорал с башни Ландарма, потирая лапки от радости. А лучше всех четырёх зажмурить! И вон ту маленькую куничку!

Куницы-опричники схватили желтодушку за лапки и потащили к Лобному месту.

— Ну же, молви – сказал сумасшедший царь Ландарма – последние слова мне!

— Скажи – я есть ты, ты емь я.

— И это всё??? – Усики-вибриссы Ландармы повисли, и уши опустились.

— Моя мудрость – моя защита!

— Но сто пухов как не тут³⁴ – сказал князь – зажмурить его!

И положили куничную голову на плаху, сверкнул острый серебряный бердыш...Но вместо крови из шеи полились... стихи! Сапфирные буквы

старокошачьего поэтического письма излились, как настоящая кровь, и повисли в воздухе. Вот эти стихи:

Одну только Цибь возлюбя,
Дупло в красной ели найдя,
Я жил как куницы живут.
В вечны небеса полетев,
Жестокою казнь претерпев,
Сказал: пусть все Циби найдут!

А князь Ландарма, как и все прочие, стоял и... нет, невозможно даже написать, что происходило с ними. Ландарма хотел дать указ о повторном замурировании, но у него не хватило сил.

И тут же каким-то перуном³⁵, с неба ли, из-под земли ли, половина лобного места ушла в небытие.

Второй перун разнёс стену острога.

— Это пушки голоков³⁶! Чёрные Ангелы пришли!

Да, это были голоки – куницы чёрного цвета из неподотчётных Ландарме земель.

Все – опричники, купцы, куницы-бабы смешались, и началось столпотворение и котовасия (катавасия). Никто не знал, как спастись.

А куница без головы встал с плахи, поставил голову на место (ибо связь с телом сохранилась через те стихи), завращался, слил свою душу в поток с Единством Бытия, взлетел на башню острога и молвил:

— Не страшитесь, куницы!

Кусок стены падает на куницу и плющит.

— Мм... хотя ладно, можете страшиться! Да, исходя из материальных предпосылок, вам не спастись от голоков. Но если знать о Единстве Бытия и старокошачьи имена всех вещей, это вполне можно. Ибо сказали древние: «Всё в мире имеет две части – видимую и невидимую. И видимая – не более чем отражение невидимой». И ещё: «Ищешь совершенства? Просто вернись к нему».

— Наш мир – расколотое зеркало, и если знать старокошачий поэтический язык, то вполне можно соединить осколки.

— Се!

— Первая пушка, именем Лев, прими своё имя!

И пушка стала львом, распугав чёрных куниц-голоков.

— Вторая, именем Рыба, прими своё имя.

И пушка поползла на плавниках к ближайшей речке.

— Третья, именем Дуб!

И она пустила корни и листву.

— Четвёртая – Сирин!

И полетела в небо.

— Пятая – Царь!

И самая большая пушка стала забавной куницей на троне.

— Что же – молвил желтогорлый куница – ну раз уж я начал сочинять поэму, я продолжу это.

— Частокол вашего города похож на сандаловый гребень, которым расчёсывала шелковистую шерсть Шарасвати³⁷, но гребень сломался и расщёл!

И в самом деле, частокол вдруг пустил корни и побеги, и город в одночасье стал садом.

— Ваши чёрные избы – что чёрные норы диких зверей!

И избы погрузились в землю и вправду стали норами, в которых каменные куницы и стали жить.

— Острог – что гора Гаригатра³⁸ высится, быть же ему горой!

И так по слову отшельника-куницы город Ландармы стал горой, окружённой садом и норами.

— Тебя же, великий князь Ландарма, Мировой Раскол порази в самое сердце... Ты остаешься одним существом лишь иллюзорно.

И князь каменных куниц стал стаей серебрянокрылых бабочек, разлетевшихся в разные стороны. Эти бабочки и посейчас зовутся «княжьими».

— Запомните, кунички, две фразы:

«Скажи – я есть ты, ты есмь я».

«Моя мудрость – моя защита!»

И солнце – золотой кошачий глаз,

Луна – дракон в серебряном зеркале.

Горы – крепости савдагов³⁹,

Реки – вотчины рыб.

Ель – зверь с красными ушками,

Трава – шерстинки Земли.

Пусть здесь будет покой,

Благодать сему краю.

Сказал так и ушёл в одну из десяти сторон света⁴⁰. Куда – теперь уже никто не помнит.

КРАТКИЙ СЛОВНИКЪ

1. Ховтовия – от мансийских слов «ховт» – ель и «ва» – река
2. Желтодушка – лесная куница с жёлтым горлом
3. Чандмань – монг. Драгоценный камень
4. Белодушка – каменная куница с белым горлом
5. Ландарма – в реальном мире – тибетский царь, погубивший буддизм в Тибете и ввергший свою страну в Тёмные века. Здесь – князь куниц-белодушек, повелевший убить всех поэтов, опасаясь их силы и связи с Изнанкой Мира
6. МРЯУ – изнанка мира

7. Муур Рид Ард Улс – Кошачье Чаровное Народное Государство, расшифровка МРЯУ
8. Уважабeнные – уважаемые (бeличье слово, апеллирует к понятию мистической Жабы)
9. Клычки – маленькие куничьи клыки. Сомкни клычки - замолчи.
10. Авион – франц., и дореволюц. – самолёт
11. Ниссэн онгоц – монг. Летаящая лодка, самолёт
12. Вимана – древнеиндийский летательный аппарат, описанный в Рамаяне и Вимааника Шастре
13. Птицануть – кунич. Улететь
14. Заф Ъррркать, сф Ърркнуть – сказать (кунич.), апеллирует к ф Ърррр – фырканью кунницы в болгарской записи
15. Студёная былина – cool story - англ. хорошая история, в данном случае - “правильно говоришь”
16. подлапчик – кунич. И собол. Помощник
17. Старокошачий поэтический язык – язык МРЯУ, Изнанки мира, рассматривается как магический.
18. Василев да Мурра – кошачьи Создательница и Творец, как Тепеу и Гукумац
19. Гишторик – библиотечарь
20. Мышегрызы – книжные шкафы, т. к. там мыши сидят и грызут книги
21. Листы мудрости – книги
22. Стручанулись, сыграли в стручок - порвались
23. Перегнать пургу – перевести с одного языка на другой
24. Зажмурить - казнить
25. Желтогорлый дикарь - Тут надо учесть, что города и цивилизацию строили каменные кунницы-белодушки, которые относились к лесным кунницам-желтодушкам пренебрежительно и называли их «дикари из леса»
26. Возня – дело
27. Просушить пух – считать
28. Поцапаться – подраться (кунич).
29. Песок просыпан велуху моих действий – виноват я. Апеллирует к древнебeличьему понятию Песок, означающему Деяние, а также древнебeличий эпос.
30. Разбрыливание мыслями – разбрыльсофия – философия
31. Слоистой Вселенной – теория о том, что Вселенная имеет, кроме трёхмерного, и другие слои с другим числом измерений
32. Просыпал я. – Виноват я
33. Единство Бытия – куничья, а также суфийская философия
34. Сто пухов как не тут – точно не здесь
35. Перун – молния, пушечный выстрел
36. Голоки – одно из тибетских племён разбойников. Боятся только Его Святейшества Далай-Ламы. Здесь – кунницы чёрного цвета из неподотчётных Ландарме земель.
37. Шарасвати – версия Сарасвати, в индуизме богини мудрости, знания, искусства, красоты и красноречия.
38. Гаригатра – аллюзия на горы Парипатра в Индии. Оба названия изменены из-за аллитерации.
39. Савдагов – монг. Савдаг – хранитель местности
40. Десять сторон света – монг. 4 основные стороны света, 4 дополнительные, верх и низ. Знаменитый герой монгольского и тибетского эпоса, богатырь Гэсэр был «Государем десяти сторон света».

*Связаться с авторами, упомянутыми в журнале,
можно по приведённым ниже адресам:*

Allve AKA Steve-O	<st3ve-o@rambler.ru>
Alai Cinereo (jetera)	<manman30@yandex.ru>
Ана-Люсия	<ryoga_aka_pi-chan@mail.ru>
Андрей Ворсин	<oriy00@mail.ru>
Bagir	<bagirgm@gmail.com>
Банзай	<unreal-prey2@yandex.ru>
Bast Miriam	<ta-newsha@mail.ru>
Dragon Sary	<sary151995@yandex.ru>
Felis	<turist90@rambler.ru>
Horfey	<horfey45@gmail.com>
Hunter	<madera@bk.ru>
KaZZZaK	<kaz2zak@yandex.ru>
Кельт	<zebra555@mail.ru>
Khaki AKA Alex Vance	<khakidoggy@me.com>
Куджо	<kydjoghost@gmail.com>
Лингрим	<jonathan_crane@bk.ru>
Мантс	<den.prozherin@yandex.ru>
Мора Лирран	<evangelinas@mail.ru>
Orls	<orls@nya-journal.ru>
Pillgrim Wolf	<remy.garou@gmail.com>
Саурон	<saurian@rambler.ru>
Сэголь	<hatulashelkira@yandex.ru>
Селкер	<SelkerAri@gmail.com>
StormWind	<stormcanine@yandex.ru>
ToddWolf	<lugaru_91@mail.ru>
Vultur Martes	<kyrapraxin@gmail.com>
Wooy	<cheverova92@mail.ru>
xartifering	<skype: xartifering>
Редакция АРФИ	<arfi@artfurry.ru>

Обложка: **Alai Cinereo**
 Внутренняя обложка (гифт проекту): **Сэголь**
 Иллюстрации оглавления: **Bast Miriam**
 Иллюстрация стр. 75: **Wooy**

авторство других рисунков указано в оглавлении

Главный редактор: **StormWind**
 Помощники редактора: **Lozi Cheetah, Найчит**
 Диск MRFF: **Lozi Cheetah**
 Вёрстка, дизайн: **StormWind, Namiri**
 Корректор: **Ambidexter**
 Печать: **АРФИ**

К печатному изданию АРФИ прилагается CD-диск MRFF с музыкальными произведениями Furry-авторов и дополнительными материалами, которые не поместились в печатную версию журнала.

Встретимся на Русфурренции 2014!

Создатели альманаха и музыкального приложения выражают благодарность всем авторам, которые присылают свои художественные и литературные работы, статьи и музыкальные произведения для нашего проекта.

Если вы заинтересованы в участии, просим вас связаться с Редакцией журнала.

Ждём Ваших писем!

Сайты, входящие в содружество:

АРФИ

<http://arfi.artfurry.ru>

[<arfi@artfurry.ru>](mailto:arfi@artfurry.ru)

MRFF

<http://mrff.ru>

[<lozi_cheetah@mail.ru>](mailto:lozi_cheetah@mail.ru)

FURNATION.RU

<http://www.furnation.ru>

Музыкальный раздел by Lozi [<lozi_cheetah@mail.ru>](mailto:lozi_cheetah@mail.ru)

Редакция АРФИ [<arfi@artfurry.ru>](mailto:arfi@artfurry.ru)

Выражаем признательность всей пушистой
общественности за участие и посильную помощь.
До скорых встреч и спасибо за внимание!

**Приглашаем к сотрудничеству пушистых авторов всех
жанров и направлений! Присылайте свои работы.**

Russian Furry Publishers 2013–2014

АРФИ 2013

78 стр.

PDF-версия

